Елена Озерецкая
Совсем новые сказки

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Разве в наше время свершаются чудеса? Конечно! Прочитайте эти совсем новые сказки, и вы узнаете много интересного о доброй волшебнице Хэми, а попросту — науке Химии, с помощью которой люди научились делать замечательные вещи, как в сказках.

Для младшего возраста.

- Е. Озерецкая
  -
  - Добрая Хэми
  - Первый урок
  - Три брата
  - Умный муравей
  - Подземный дворец
  - Дедушка Хок
  - Семейный портрет
  - Красный лоскуток
  - Четыре песчинки
  - Томатный бригадир
  - Безработный шелкопряд
  - Нехочучка
  - Кто будет лизать кота?
  - Маленькая спичка
  - Морковкины бусы
  - Чудесный снег
  - Новые волшебники
  - Ленивая картошка
  - Старая калоша
  - Важный мыльный пузырь
  - Последний король
  - Голубоглазый мальчик
  - 2-4-Д
  - Умные молекулы
  - Маленькая яблонька
  - Гордая иголка
  - Три волшебника
  - Эта книга…

Е. Озерецкая
«Совсем новые сказки»

Рисунки В. СТЕРЛИГОВА

Добрая Хэми

Давным-давно, с далёкой планеты, о которой ничего не известно, прилетела на Землю добрая волшебница Хзми. Она спрятала свой звездолёт в пещере, потому что ещё не знала, достойны ли люди получить этот подарок, и поселилась в Египте. Сейчас тоже есть страна Египет, но тот был совсем другой и назывался Древним. В Древнем Египте всё делали несчастные рабы, а сами египтяне, только воевали, чтобы доставать всё новых и новых рабов. Ведь старые быстро умирали от тяжёлой работы и побоев. Хэми это не понравилось, и она пошла к Самым Главным Египтянам, которые жили в храмах и назывались Жрецами.

— Здравствуйте! — сказала она.

— Приветствуем тебя! — ответили ей Жрецы. Они умели вежливо разговаривать, хотя были противными, злыми людьми.

— Я хочу помочь вам жить иначе, — продолжала Хэми, — вы очень плохо обращаетесь с рабами. И вообще рабы — это несправедливо!

— Вот как! — сказали Жрецы и переглянулись, а Самый Главный Жрец сейчас же достал из кармана ключ от самой главной тюрьмы. Но Хэми этого не заметила, потому что на её планете тюрем не было.

— Я научу египтян разным наукам, — предложила Хэми, — тогда им не нужно будет заставлять других работать!

— Это хорошо, — ответил Самый Главный Жрец, который был очень хитрым, и спрятал ключ обратно в карман, — только сначала ты научи нас, ведь мы образованные, а мы уже научим всех остальных!

И Хэми поверила Самому Главному Жрецу, потому что на её планете никто никогда не врал. В храме поставили парты, и Жрецы начали учиться разным наукам.

— Вы хорошо учились и знаете уже много нового, — сказала через год Хэми, — теперь можете начинать учить других.

— Нет, — возразили Жрецы, — ещё рано. Мы хотим сперва выучить всё сами.

— Это несправедливо! — рассердилась Хэми. — Я не буду больше вас учить!

— Вот как! — переглянулись опять Жрецы. Они схватили Хэми, посадили её в глубокое подземелье под самой большой пирамидой, и Самый Главный Жрец запер дверь самым большим ключом.

— Пусть сидит там! — сказал он. — Мы и так уже знаем больше всех на земле!

И всё, чему их научила Хэми, Жрецы использовали не на пользу людям, а для того чтобы заставить их ещё сильнее бояться и слушаться Жрецов. А так как Самый Главный Жрец тоже был волшебником, только, конечно, злым, он написал на дверях подземелья такие сильные волшебные слова, что Хэми не могла выйти, и ей пришлось просидеть там несколько тысяч лет.

— Хорошо, что я не отдала им свой звездолёт! — думала она. Но всё на свете кончается. Кончилось время Древнего Египта, не стало Жрецов, и выцвели волшебные слова на дверях. Хэми вышла на свободу и увидела, что на земле наступили средние века.

— Посмотрим, осталось-ли что-нибудь от тех наук, которым я учила злых Жрецов? — сказала она.

Оказалось, что этими науками занимаются Алхимики — и занимаются очень старательно. Днём и ночью они сидели в своих маленьких, тёмных комнатах с низкими сводчатыми потолками. Алхимики варили разноцветные жидкости, процеживали их, подсыпали всякие порошки и опять варили.

— Что это вы делаете? — спросила Хэми.

— Мы делаем Солнце и Луну, — ответили Алхимики. Так они называли золото и серебро, чтобы никто не мог догадаться.

— По-моему, это совсем ни к чему, — сказала Хэми, — не лучше ли изучать что-нибудь такое, что принесёт пользу всем людям?

— Наши тайны слишком драгоценны, — обиделись

Алхимики, — мы не можем открывать их простому народу. А вот если ты научишь нас делать золото, это будет очень хорошо, потому что, по правде говоря, оно не получается.

— И не получится! — засмеялась Хэми и ушла. Алхимики не были такими злыми, как Жрецы, но Хэми не хотела им помогать. Ведь они тоже всё делали только для себя, а о других вовсе не заботились.

Много веков ходила по земле Добрая Хэми. Она учила людей разным наукам, и люди становились всё умнее. Некоторые выучили всё так хорошо, что Хэми приходилось ставить им пятёрки, но всё-таки ей было грустно, потому что она никого не могла научить работать для других. Все заботились только о себе и очень часто даже вредили другим, если это было выгодно. Богатые пользовались науками, чтобы заставлять бедных работать на себя, и затевали войны, после которых миллионы солдат оставались навсегда лежать в холодной земле…

И снова Хэми пускалась в путь — в поисках такого места, где люди заботились бы друг о друге и были достойны получить звездолёт.

Однажды она пришла к большим, красивым воротам, на которых увидела четыре буквы: СССР. Хэми постучала, и к ней вышел молодой, весёлый пограничник.

— Здравствуйте! — сказала Хэми. — Как называется эта страна?

— Союз Советских Социалистических Республик, — отрапортовал Пограничник и отдал честь.

— Могу ли я войти? — спросила Хэми.

— Вообще-то мы не всякого пускаем, — ответил Пограничник, — но тебе всегда рады!

— Разве ты меня знаешь? — удивилась Хэми.

— Тебя знает у нас каждый школьник, — засмеялся Пограничник, — а ведь я уже окончил школу!

Он распахнул ворота, и Хэми пошла по широкой аллее, обсаженной красными розами. Яркое солнце весело отражалось в окнах новой школы, и в каждое окно выглядывали мальчики и девочки, потому что как раз была перемена.

— Здравствуй, Хэми! — радостно закричали они.

— Добро пожаловать, Добрая Хэми! — крикнули и рабочие, которые строили большой, красивый дом.

— Действительно все меня здесь знают! — обрадовалась Хэми. — Для кого вы строите этот дом? — обратилась она к рабочим.

— Для всех, кому нужны квартиры, — ответил Бригадир и вежливо снял шапку.

— Значит, вы заботитесь о других?

— Конечно. В нашей стране самое главное правило: один за всех и все за одного.

— Первый раз на земле слышу такие чудесные слова! — сказала Хэми и пошла осматривать всю страну. А на это понадобилось очень много времени, потому что страна была самая большая в мире. И всюду Хэми видела весёлых людей, которые учились, и работали как можно лучше, и старались приносить пользу другим: ведь здесь это считалось самым главным. Не было ни бедных, ни богатых, никто не хотел войны, и все науки применялись для того, чтобы сделать жизнь ещё прекраснее.

— Я останусь с вами навсегда, — сказала Хэми, — мне ещё нигде так не нравилось. Кроме того, я отдам вам. мой звездолёт. Вы достойны его!

Вот так и случилось, что люди этой страны первыми полетели к звёздам. А Хэми здесь стала называться по-русски Химией. Только отчества у неё не было. Ведь близких друзей по отчеству не называют.

Первый урок

Давным-давно, когда Земля была ещё молодая, люди не умели зажигать огня и мёрзли в своих каменных пещерах. Мясо и рыбу приходилось есть сырыми, яйца тоже, а ведь это вовсе не вкусно. Даже детям к завтраку давали сырую холодную воду вместо горячего кофе, и никто никогда не слышал о мороженом. Словом, это была не жизнь, а одно сплошное мучение…

— Какие люди странные, — удивлялась Молния, — я всё время зажигаю деревья, чтобы показать им огонь, но они ровно ничего не понимают.

— Это потому, что они только недавно стали людьми, — ответил Гром, — и ещё не научились догадываться, что к чему.

— Подумаешь, хитрость! — возразила Молния. — В воздухе сколько угодно Кислорода, в любом бревне есть Углерод, а для того чтобы зажечь огонь, только всего и нужно, чтобы они соединились!

— Во-первых, люди об этом не знают. Ведь на земле не было ещё ни одного урока химии. А во-вторых, они не умеют доставать искры. Тебе легко рассуждать, если у тебя в каждом пальце целая куча искр!

— Это верно! — засмеялась Молния и самодовольно растопырила пальцы перед самым носом Грома.

— Перестань! — закричал Гром и отскочил в сторону. —

Сегодня по расписанию нет никакой грозы!

Но было уже поздно.

Искры так и посыпались во все стороны, сложились в огненную стрелу и принялись плясать по небу.

— Почему нас не предупредили? — рассердились Тучи. — Ведь первая очередь наша! — и они поскорее побежали, чтобы занять свои места.

— А я как раз охрип и хотел сегодня пополоскать горло! — вздохнул Гром и загремел вполголоса. Надрывать горло он боялся, но промолчать всё-таки было неудобно.

Люди на земле бросили все свои дела и побежали в пещеры, потому что они боялись грозы. В лесу остался только один мальчик. Ему хотелось посмотреть, как Молния будет зажигать деревья. Он любил огонь и не боялся красивых красных языков пламени. Они светили и грели, а после пожара в золе можно было найти жареных уток и печёные яблоки.

Конечно, и утки и яблоки были, дикими, потому что в те времена всё на земле было дикое, но ведь и сам мальчик тоже был ещё почти совсем диким!

— Смотри-ка! — сказал Гром. — Этот, мне кажется, поумнее других. Может быть, поговоришь с ним?

— Ты думаешь? — ответила Молния. — Попробую! — и, взяв вместо парашюта прочное тёмно-серое облако, она быстро спустилась на землю.

Мальчик так удивился, что засунул палец в рот, но не испугался и не побежал. Молнии это понравилось.

— Вынь палец изо рта! — строго приказала она. — Через какой-нибудь миллион лет это будет, считаться совершенно неприличным! Как тебя зовут?

— А у нас нет имён, — вздохнул Мальчик, — у нас ещё вообще ничего нет, кроме шкуры.

— Я дам тебе имя. Ты будешь теперь называться Ум-Ник.

— Спасибо! — вежливо поблагодарил Мальчик. Он уже старался вести себя как следует.

— Хочешь ли ты научиться зажигать огонь?

— Конечно! — обрадовался Ум-Ник. — Я буду жарить уток и печь яблоки.

— Твои внуки будут делать и более важные вещи: например, обжигать горшки и варить суп. Где здесь можно достать старое бревно и сухую ветку?

— Вон там лежит дерево. Оно очень старое, гораздо старше меня, и ветки у него совсем сухие.

— Ну, тогда принимайся за работу.

— А что надо делать?

— Надо сильно-сильно тереть бревно веткой.

Ум-Ник тёр так долго, что его рыжая шкурка потемнела от пота.

Он уже начал думать, что Молния над ним посмеялась, когда из бревна вдруг пошёл дым, а потом полетели и искры.

— Скорее положи сухой травы! — закричала Молния, и — ж-ж-ж! — загорелся первый костёр на земле.

— Если огонь не кормить, он умрёт, — сказала Молния, — давай ему кусочки сухих веток. Только береги руки!

Ох, как весело затрещало пламя! Красивые алые языки распустились, как большой, горячий цветок, и мальчик заплясал от радости.

— Тебе всё понятно? — спросила Молния.

Ум-Ник почесал живот, потому что ещё не знал, что через миллион лет это тоже будет. считаться неприличным.

— Мне ничего не понятно, — ответил он. — Если огонь был в бревне, почему его никто никогда не видел?

— Когда ты сильно-сильно тёр бревно веткой, тебе было жарко?

— Я даже вспотел!

— А Углероду, который живёг в бревне, стало ещё жарче, и от этого он соединился с Кислородом.

— А где был Кислород?

— В воздухе, над бревном. От жары полетели искры, потом выделились газы, раскалились и начали светиться. Это и есть огонь.

Ум-Ник почесал спину. Он уже научился зажигать костёр, и ему хотелось поскорее поймать утку или кролика, Чтобы их изжарить. Но кто такие Кислород и Углерод и можно ли их съесть, он всё-таки не понимал.

— Перестань чесаться! — рассердилась Молния. — Смотри внимательно: по краям огонь светлее, потому что тут ближе к Кислороду и газы сильнее раскалились. А серединка холоднее, ей до Кислорода дальше, вот она и раскалилась не добела, а только докрасна!

Ум-Ник хотел было почесать голову, но вовремя вспомнил, что этого делать нельзя.

Что можно, — он ещё не выучил, но уже начал догадываться, что нужно, чтобы Молния от него отвязалась. Нужно было, по-видимому, соврать.

— Понял! — ответил он, и это было первое враньё на земле.

— Ха-ха-ха! — загрохотал Гром, который совсем забыл о своём горле. — Оставь мальчишку в покое. Даже через миллион лет некоторые мальчики и девочки будут иногда получать двойки

по химии!

— Умные дети никогда не получат двоек, — возразила Молния, — а ведь его зовут Ум-Ник!

— Вот он и научился зажигать костёр. На первый раз довольно!

— Конечно, довольно! — радостно согласился Ум-Ник.

— Ну, ладно, — вздохнула Молния, — можешь идти. Ты всё-таки ещё почти обезьяна…

И на этом закончился самый первый урок химии на земле в те далёкие времена, когда Земля была ещё молодая.

Три брата

Дед Мороз и Снегурочка кончили все зимние дела, получили отпуск и уехали на каникулы.

Солнышко пригрело замёрзшую землю, растопило снег, выпустило на волю весёлые ручьи, и птицы на юге принялись укладывать чемоданы, чтобы возвращаться домой. А первым, как всегда, прилетел старый Грач и пошёл на поле посмотреть, как там обстоят дела.

Он прыгал с кочки на кочку, разглядывал комочки земли, разбивал их своим длинным носом и, между делом, вытаскивал и глотал толстых красных червяков.

— Ничего, — сказал он, — всё в порядке. Можно сеять!

— Хи-хи-хи! — засмеялся кто-то. Грач обернулся, но никого не увидел.

— Хи-хи-хи! — послышалось с другой стороны. Грач посмотрел и туда.

— Хи-хи-хи! Хи-хи-хи! — засмеялось всё поле, и Грач завертелся на месте.

— Да кто же это? — рассердился он, потому что терпеть не мог глупых шуток.

Но на поле решительно никого не было.

— Опусти нос! — пропищал дерзкий тоненький голосок. — Мы в земле!

— А кто это — вы?

— Мы — семена злых грибков!

— У грибов семена называются спорами! — важно ответил Грач.

— Хи-хи-хи! — засмеялся голосок. — А я думал, что ты ещё не учил про споры, поэтому сказал «семена», чтобы тебе было легче понять!

— Да где же вы? Я вас не вижу!

— Мы очень-очень маленькие. А ты глупый, слепой старик!

Грач поискал под правым крылом, достал футляр из берёзовой коры, надел на свой длинный жёлтый нос большие очки и увидел в земле множество крошечных грибных спор. Они корчили злые гримасы и показывали Грачу языки.

— Во-первых, вы невежи! — сказал Грач, — А во-вторых, я не понимаю, что вам здесь нужно? Если вы грибы, так отправляйтесь в лес!

— И не подумаем! — дерзко ответили споры, — Мы не какие-нибудь лесные. Те годятся только на то, чтобы их съели!

— А вы?

— А мы сами всякого съедим. Вот посеют пшеницу, и мы будем есть семена и росточки!

— Беда! — подумал Грач и пошёл к своему старому другу, Гному, который всегда жил под землёй и всё про неё знал. Гном сидел в уютной землянке, вязал шерстяные чулки на зиму и варил к завтраку желудёвый кофе. А чтобы не насажать кофейных пятен на свою длинную белую бороду, Гном надел красивый клетчатый передник.

— Здравствуй! — сказал Грач. — Ты почему не на работе?

— Я уже пенсионер, — ответил Гном, — теперь всё стало так сложно, что я больше не справляюсь. Учиться мне поздно, вот я и вышел на пенсию.

— А не знаешь ли ты, как избавиться от злых спор?

— Нет, брат, тут нужна химия, а я её не проходил. Пойдём к трём учёным братьям.

Гном надел красную шапочку, вытащил из-под передника бороду, потушил Светлячка под кофейником и отправился вместе с Грачом к трём учёным братьям.

Братья жили в большой металлической банке.

Звали их Гранозан, Агронал и Меркуран, а по фамилии — Фунгициды.

Это очень трудные имена, но зато всякий сразу понимал, что имеет дело с профессорами, а ученые это любят.

Гном снял шапочку, а Грач помахал крылом.

— Здравствуйте, Гранозан, Агронал и Меркуран, — сказали они, — нельзя ли сокращённо называть вас просто «ГАМ»?

— Можно, только неверно, — ответили Братья, — вы по делу или в гости?

— По делу. Вы не знаете, как справиться со злыми спорами?

— Ну, это знает каждый, в ком есть ртуть! — засмеялись Братья. — Возьмите лопаты и пойдём на колхозный склад.

У склада сидел сторож и читал газету, но гномов сторожа ведь не видят.

Банку с братьями Гном спрятал под передник, а Грач с давних пор знал одну дырку около крыши и мог через дверь не ходить.

В складе было полутемно, только в дырку заглядывал солнечный луч.

— Просыпайтесь, просыпайтесь! — говорил он зёрнам. — Скоро вас будут сеять!

А зёрна потягивались и зевали, потому что им ещё не хотелось вставать.

Гранозан, Агронал и Меркуран выскочили из банки и насыпали на зёрна целую кучу мелкого порошка.

— Теперь хорошенько перемешайте зёрна лопатами! — сказали братья Фунгициды.

Грач с Гномом принялись за работу.

Конечно, Гном не мог больше работать так, как раньше, да и Грачу недолго оставалось до пенсии, ведь у него было уже сто пятьдесят внуков, а вместо рук — только крылья.

Но старики очень старались и сделали всё как следует.

— Закурим? — спросил Гном, когда они кончили.

— Я не курю, — ответил Грач, — да и тебе не советую. Это плохая привычка. Лучше пусть братья расскажут нам, как будет действовать порошок.

— Каждое зёрнышко теперь одето в такое платье, через которое споры не могут пробраться, — начал Гранозан.

— И даже вокруг него в земле получится маленькая безопасная зона, — добавил Агронал.

— Таким образом зёрнышки будут спокойно расти, а злые споры останутся с носом! — закончил Меркуран.

— Химия! — задумчиво сказал Гном и погладил свою бороду. — В наше время ничего такого не проходили. Вот я и гожусь только на то, чтобы пить кофе да вязать чулки, а ты — глотать червяков на полях!

— Ну, нет! — засмеялся Грач. — Кто сегодня начал войну со злыми спорами? Старики ещё очень много могут сделать, если захотят. Но, конечно, мы ничего бы не добились, если бы нам не помогли учёные братья, у которых такие трудные имена. Нельзя ли всё-таки называть вас просто «ГАМ»?

— Можно, только неверно, — ответили Братья и полезли

обратно в банку…

Умный муравей

Бабка Лиза стояла у окна и сыпала в бутылку сахарный песок. А над окном сидела Ворона и смотрела на бабку. Вдруг открылась дверь и вошёл бабкин внук Вася, студент-химик, который приехал на каникулы.

— Здравствуй, бабка, — сказал он, — что это ты делаешь?

— Муравьёв хочу в бутылку заманить, милок. Суну их в печку, получится муравьиное масло, буду больные ноги мазать.

— Не масло, а кислота, — поправил Вася, — но для этого совсем не нужно жарить муравьёв. Теперь химики делают муравьиную кислоту сами.

Но бабка была упрямая. Она не поверила Васе и пошла не к доктору, а в лес, чтобы сунуть бутылку в муравейник. А Ворона обогнала бабку и прилетела в лес первая.

— Старруха за мурравьями брредёт! Старруха за мурравьями брре-дёт! — закричала она над муравейником.

Старый муравей Усик был очень умный и учёный. Все уважали его и советовались с ним. По утрам он учил муравьят доить тлей, собирать запасы на зиму, прокладывать дорожки в лесу и строить дома. Услыхав Ворону, муравьята повскакали с парт, а Усик выглянул в окно, и Ворона рассказала ему всё, что слышала.

— Если люди на самом деле научились делать нашу кислоту, это очень хорошо. По крайней мере они оставят нас в покое, — задумчиво сказал Усик.

— Но старруха искусственной кислоте не веррит!

— А старуху мы проучим. Больше она к нам не придёт и

другим не посоветует. Вот увидишь!

— Прроучи! Прроучи! Это хоррошо! — крикнула Ворона и улетела. А Усик позвонил в большой лиловый колокольчик, чтобы муравьята опять уселись за парты, но не успел он начать урок, как дверь открылась и вбежал муравей Пак. Усик нахмурился.

— Почему ты входишь в класс? Разве ты не знаешь, что нельзя мешать занятиям?

— Сделай перерыв, Усик. Тебя зовут на совещание.

— Что случилось?

— Крыша сломана, и на чердаке лежит какая-то большая штука.

Усик отпустил учеников и пошёл наверх. Там уже собрались все старшие муравьи. Они осторожно ощупывали бабкину бутылку и заглядывали внутрь.

— Послушай, Усик, — сказал известный сластёна Пик, — как бы достать эту белую вещь? Она чудесно пахнет.

— Ха! — закричал Пак. — Очень просто. Давайте спустимся вниз.

— Подожди, — остановил его Усик, — спуститься недолго. А как ты вылезешь обратно?

Этого Пак не знал и в смущении почесал за ухом левой задней ногой. Усик надел большие очки и осмотрел бутылку со всех сторон.

— Я уже видел такие штуки, — сказал он, — из них нет выхода. Все останутся там внутри, а потом их унесут и зажарят в печке, чтобы сделать лекарство.

— Но как пахнет! — вздохнул Пик.

Усик ничего не ответил, он задумался.

— Не надо ему мешать, — прошептал муравей Пок, — он будет теперь долго думать. Пойдёмте лучше чинить крышу.

И все пошли, потому что муравьи никогда не откладывают на завтра то, что можно сделать сегодня.

Усик думал до самого вечера, и его ученики всё время стояли под дверью и смотрели в дырочку, чтобы узнать, что он делает. А когда он открыл дверь, они попадали во все стороны.

— Так, — сказал Усик, — а я-то думал, что вы учите уроки.

— Мы всё выучили, — хором ответили муравьята.

— Ну, хорошо. Тогда идёмте со мной.

В лесу Усик нашёл длинную, тонкую былинку и велел тащить её на чердак.

— Теперь опускайте один конец на дно бутылки! — скомандовал он. — Раз, два, взяли!

— Какая прекрасная мысль! — воскликнул прибежавший Пик

и первым полез по новой лестнице, а за ним все остальные. И сахар мигом очутился в кладовой.

— Ну, вот, — улыбнулся Усик, — всё в порядке, и все муравьи целы. А главное — теперь люди поймут, что нас не так легко обмануть. Пусть на здоровье лечатся своей, искусственной кислотой.

— Какой он учёный! Всё знает! — восхищённо зашептали муравьи.

— Ура Усику! — крикнул Пак.

И все подхватили хором:

— Муравпривет! Муравпривет! Муравпривет!

— Ну, что вы! Я только исполнил свой долг, — скромно сказал Усик и сделал вид, что смущён таким почётом. Но на самом деле он был очень доволен. Умные и учёные муравьи любят, чтобы их хвалили.

На следующий день пришла бабка Лиза. А в бутылке — ни муравьёв, ни сахару. Только былинка торчит.

— Ну, — сказала бабка Лиза, — муравьи и те нынче поумнели. Придётся идти к доктору.

— Давно порра! Давно порра! — крикнула Ворона.

И, конечно, она была совершенно права.

Подземный дворец

Давным-давно, когда стрелки на больших часах времени ушли ещё не особенно далеко, на земле ровно ничего не было — ни городов, ни деревень, ни полей, ни садов, ни самолётов, ни поездов. Всё это могли выдумать только люди, а людей ещё тоже не было. Так и лежала земля, скучная, пустая и тихая. Слышалось только журчанье воды, да иногда от скуки грохотали каменные обвалы…

— Послушай — сказала однажды Вода Камню, — не мог бы ты швыряться скалами поаккуратнее? Опять сегодня завалил целую реку!

— Подумаешь! — ответил Камень. — Стану я обращать внимание на такие пустяки! Поверни свою реку в другую сторону, если тебе не нравится!

— Не очень-то ты вежливо разговариваешь! — обиделась Вода.

— А мне незачем быть вежливым. Я сильнее всех и буду делать что хочу!

— Тот, кто больше всех шумит, не всегда бывает самым сильным, — усмехнулась Вода.

— Ха-ха-ха! — загрохотал Камень. — Уж не ты ли собираешься со мной бороться?

— Поживём — увидим, — прожурчала Вода, но не слишком громко, потому что ей не хотелось связываться с грубияном. Поворачивать реку она не стала, велела только со всех сторон окружить скалы, которые набросал Камень, и получились пороги.

Плохое это было место. Река пенилась, рычала, прыгала и плевалась, но чёрные, мокрые скалы, похожие на испорченные зубы, не обращали на неё никакого внимания и тянулись цепью от одного берега до другого. А Вода надела свой любимый плащ, сотканный из тумана, и отправилась в разведку — выяснять, где у Камня есть трещины. Ведь разведчики всегда стараются найти у врага слабое место.

Вода нашла прехорошенькую маленькую, совсем незаметную трещинку и послала в неё прехорошенький маленький, совсем незаметный ручеёк.

Тихо-тихо пробирался ручеёк из одной трещинки в другую, всё дальше и дальше. Он бежал так осторожно, что Камень сначала ничего не почувствовал, тем более что всегда был не очень чувствительным, хотя некоторые камни могут даже растворяться в воде, как сахар, только гораздо медленнее. Вот ручеёк втихомолку их и растворял, а сам становился всё глубже и шире. Он пробил в теле Камня длинные проходы-галереи со множеством поворотов и тупиков. Местами галереи так расширялись, что получились целые подземные залы, а ручеёк превратился в большую, тёмную подземную реку. Конечно, для этого понадобилось много тысяч лет, но ведь у Воды времени было сколько угодно, и она могла не смотреть на стрелки часов.

— Очень недурно, — сказала Вода, когда пришла взглянуть, как идут дела, — теперь у нас появились пещеры!

— Эй! — крикнул Камень, который уже заметил что-то неладное. — Что ты там делаешь у меня в животе?

— Ничего особенного, — ответила Вода, — проверяю, правду ли говорит пословица: «Капля камень точит».

— Мне это совсем не нравится! Убирайся оттуда сейчас же!

— И не подумаю! — засмеялась Вода. — Теперь ты видишь, что ты не самый сильный! А в пещере я построю себе такой дворец, какого у тебя никогда не будет, сколько ни швыряйся скалами!

— Что же, мне так и жить с дыркой в середине?

— Так и живи. Может быть, это научит тебя вежливости!

Но от дырки в середине никто ещё не становился вежливым, и характер у Камня совсем испортился. С грохотом падали громадные скалы, и мутные водовороты кипели над сотнями новых порогов. Глубоко вниз обрушивались каменистые русла рек, и могучие водопады пели свои грозные песни. Но Вода только посмеивалась и делала своё дело. А дел у неё набралось порядочно, потому что в новом дворце не было решительно никакой обстановки — мокрый пол, стены да потолок. Вода внимательно просмотрела список всех своих помощников и

вызвала одного из них, которого звали Углекислый Кальций.

— Построй-ка в моём новом дворце колонны, — сказала она, — ведь мебели-то у меня нет!

— Очень хорошо, — согласился Углекислый Кальций, — колонны так колонны!

И, не теряя времени, он принялся доставать из карманов крошечные кристаллики и бросать их в ручейки, чтобы они растворились и вместе с ручейками просочились через потолок пещеры. А когда вода ручейков испарялась, кристаллики Углекислого Кальция вылезали из неё, прицеплялись к потолку — и получалась маленькая беленькая сосулька. Ручейки текли да текли, сосульки росли, становились длиннее и толще и стали называться уже не сосульками, а сталактитами. Но всё уго делалось очень медленно, и Углекислому Кальцию надоело.

— Нужно придумать что-то новое, — сказал он, — попробуем одновременно строить другую половину колонны снизу.

А так как со сталактитов всё время текла вода прямо на пол, устроить это оказалось очень легко. Часть кристалликов отправилась туда, и снцзу тоже начали расти сосульки. Только они росли вверх и назывались сталагмитами, хотя в общем-то ничем особенным не отличались, потому что тоже были сделаны из кристалликов Углекислого Кальция. Но это были его сосульки, и он мог называть их как ему вздумается, тем более что и спорить-то было некому.

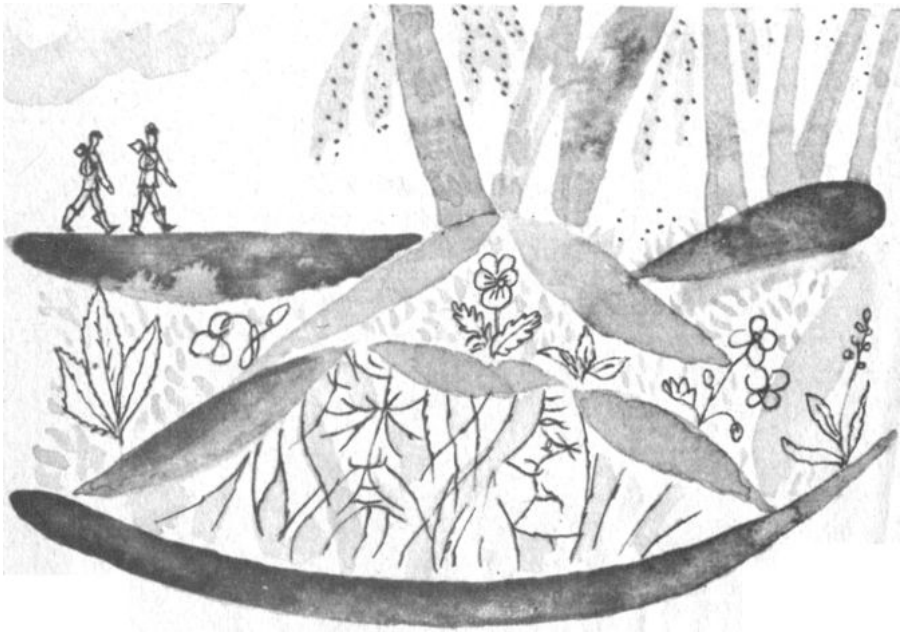
Теперь работа пошла быстрее. Сталактиты росли вниз, сталагмит ты — вверх, и, когда они наконец встретились, получились чудесные белые, сверкающие колонны. Те сталактиты, которые не успели ещё сильно вырасти, висели на потолке и блестели, как настоящие люстры; маленькие сталагмиты могли служить стульями, а вместо кровати посередине подземного дворца текла тихая тёмная подземная река, как раз такая, в каких Вода любила спать. Но, пока Углекислый Кальций работал, наверху время шло своим чередом. Теперь стрелки на его часах показывали уже на много тысячелетий больше, и всё на земле изменилось. Появились рыбы и птицы, тигры и львы, кошки, собаки и, наконец, люди. А люди — самые беспокойные существа, какие только могли родиться на свет. Им всегда хочется всё узнать и всё переделать, да ещё и так, чтобы получилось лучше, чем было. Они так прямо и заявляют, что не станут ждать милостей от Природы. Добрались они и до Воды. Сети вытаскивают серебристую рыбу из её рек, корабли пачкают чистые, прозрачные струи нефтью своих машин, а толстые опоры мостов больно впиваются в гладкое песчаное дно. Каждый раз, когда кому-нибудь приходит в голову повернуть

кран, вода должна бегом бежать по тёмным, противным железным трубам и делать всё, что ей прикажут. Она стирает бельё и моет посуду, варит мясо и готовит тесто для пирогов. А в конце концов её заставили ещё и вертеть тяжёлые турбины тысяч электростанций. Из-за всех этих неприятностей Вода совсем забыла о своём дворце, тем более что у неё теперь и времени-то нет, чтобы отдыхать в тихой тёмной подземной реке или сидеть на хорошеньких маленьких сталагмитах…

А Углекислый Кальций продолжает работу, потому что он ничего не знает о том, что делается на земле, и по-прежнему ждёт свою хозяйку. Всё больше и больше становится подземный дворец, всё новые прозрачные колонны вырастают в таинственной глубине старого Камня.

Иногда в тихие залы спускаются люди, и дымное пламя их факелов бросает багровые отблески на сверкающие стены. Разноцветные искры вспыхивают на холодных белых гранях и отражаются в непроницаемой темноте сонной реки. Но, хотя люди восхищаются прекрасным дворцом, они не задерживаются в нём слишком долго. Им надо спешить на работу. Ведь стрелки часов времени идут всё вперёд и вперёд, и с каждым кругом, который они описывают на циферблате, всё новые чудеса создаются людьми на старой земле…

Дедушка Хок



На опушке леса у светлого ручейка росли две берёзки. А под землёй жили корни. Звали их бабушка Пок и дедушка Хок. Они доставали воду из ручейка и поили берёзки. Бабушка была умная, а дедушка — не очень.

Однажды утром дедушка Хок проснулся в плохом настроении.

— Почему я должен всё время работать, — ворчал он, — ни днём ни ночью нет покоя.

— Зато какие красивые наши берёзки, — добродушно ответила бабушка Пок.

— Ещё бы! Ведь они ничего не делают, только прихорашиваются и болтают с ветром о всяких пустяках.

— Неправда! — вмешался ручеёк. —

Они растут, они цветут.
Прохладу в жаркий день дают,
На ветках птицы гнёзда вьют,
Птенцов выводят и поют!

— Все они бездельники, а ты — больше всех! — закричал дедушка Хок. — У тебя только и дела, что петь песенки!

— Опять неправда!

Я должен течь всегда, всегда,
Чтоб чистою была вода.
Иначе гнить она начнёт,
Гнилой воды никто не пьёт!

— Велика беда! Напьются из колодца!

— Ты просто ничего не понимаешь, — рассердилась бабушка Пок, — берёзка не может жить без воды! Для неё это не только питьё, но и еда!

— Почему?

— Потому что она ест азот, фосфор, калий и ещё многое другое. Все эти хорошие вещи она достаёт из земли, но они твёрдые. Их надо развести водой, ведь твёрдого берёзка есть не умеет. И, если ты перестанешь работать, она засохнет.

— Ну и пусть сохнет. Мне надоело.

И дедушка Хок перестал подавать воду. Минеральные соли оставались лежать в земле твёрдые и бесполезные, а берёзка не получала больше ни азота, ни фосфора, ни калия, ни других хороших вещей и стояла совсем голодная. Её листики пожелтели, увяли и ничего уже не отвечали ветру.

Пришёл лесничий, осмотрел берёзку и поставил на ней знак.

— Видишь, — гордо сказал дедушка Хок, — мне дали орден!

— Тебя приговорили к смерти, — грустно ответила бабушка Пок.

И в самом деле скоро пришли лесорубы.

— Вот знак, — сказал один из них.

— Да, эта берёза уже никуда не годится!: — заметил второй.

— Раз, два! Раз, два! — скомандовал топор.

И берёзка упала. У дедушки Хока остался только маленький пенёк.

— В будущем году мы его выкорчуем, — сказали лесорубы и ушли.

— Бедный я, бедный! — заплакал дедушка Хок.

— Не бедный, а глупый! — ответила бабушка. — Так и должно было быть. Кто не хочет работать, тот никому не нужен.

— Что же мне теперь делать?

— Только одно: работай как можно лучше, чтобы выросла новая берёзка. Тогда тебя не тронут.

И дедушка Хок принялся за работу. Он добывал воду, выбрасывал камешки, собирал перегной из старых листьев и доставал у ручейка чистый белый песок, чтобы сделать землю более рыхлой.

Все радовались, что дедушка Хок взялся за ум, и помогали ему, чем могли. Лягушка принесла из болота мягкого торфа, вереск прислал смесь перегнивших корней, стеблей и листьев, хотя у него было её совсем немного — один тоненький слой, ёлка подарила перепревшую хвою, а старый пень вытащил из своего дупла целое ведро первосортной древесной гнили. Минеральные соли в земле тоже обрадовались воде и начали растворяться изо всех сил, так что бедный берёзовый пенёк получил настоящее санаторное питание.

Весной из земли выглянули свежие зелёные ростки. Они были крепкие, весёлые и росли так быстро, что к осени стали уже понемножку заговаривать с ветром.

— Не стоит, пожалуй, трогать этот пень, — сказали лесорубы, — вокруг него целый питомник молодых берёз.

— Теперь ты видишь, кто был прав? — сказала бабушка Пок.

А ручеёк весело пел:

Мы все вперёд бежать должны.
Туда, где мы сейчас нужны,
И нам никак нельзя забыть,
Что без работы скучно жить!

— Ладно, — засмеялся дедушка Хок, — поумнеть никогда не поздно!

— Вот это правильно, — прошумел ветер и ласково погладил молодые листочки.

Семейный портрет

Скорлупа треснула. Тоненький солнечный лучик заглянул внутрь, но сразу отскочил. Из трещины выставился длинный клюв.

— Кра! — сказал Кика. — Кто это подглядывает?

И он завертел головой, чтобы увеличить отверстие. Трещина стала больше. Лучик пролез внутрь, а голова — наружу.

— Тихо! — сказала мама-скворчиха. — Не вертись так!

— Я хочу посмотреть!

— Ещё насмотришься.

— А я хочу сейчас.

— Начинается! — вздохнула мама и отодвинулась. Кика завертелся изо всех сил. Скорлупа развалилась на две половинки, и Кика вылез из яйца.

— Хочу есть! — закричал он и широко раскрыл рот.

— Вот беда-то! — огорчилась мама. — Я не могу уйти, ведь остальные ещё не вылупились. И где это папа? Неужели нужно столько времени, чтобы найти одного червяка?

— Есть хочу! — орал Кика. Мама было совсем расстроилась, но тут подлетел папа-скворец и сунул в рот Кике жирного червяка.

— Хороший парень, — улыбнулся папа, — а как с остальными?

— Я думаю, к вечеру все вылупятся, — ответила мама.

— Вот когда работы-то прибавится! — свистнул папа.

— Ты же сам хотел, чтобы я снесла целых четыре яйца! —

обиделась мама.

— Да я ничего и не говорю. Только прокормить таких обжор трудненько!

— Есть хочу! — заорал опять Кика.

— Обожди! — рассердился папа. — Дай хоть минуточку отдохнуть! И вообще, если ты будешь так орать, тебя съест кот Васька. Вон он сидит под террасой!

Вдруг на соседнем дереве что-то тихонько щёлкнуло, на землю спрыгнул Игорь и побежал к дому.

— Миша! Миша! — кричал он. — Я снял семейный скворцовый портрет!

— Слышишь? — гордо сказала мама. — Очевидно, мы попадём в газету! Ах, как бы мне хотелось получить фотографию!

— Зачем?

— Я повесила бы её около скворечника, чтобы все видели, какие красивые у нас дети!

— А что ты мне дашь, если я достану тебе фотографию? — спросила Сорока, которая сидела неподалёку и приглядывалась к серебряным ложкам на террасе.

— Я назову в честь тебя нашего Кику! — предложила мама. — Все остальные будут Скворцовы, а он — Сорокин.

— Идёт! — засмеялась Сорока. — Я ещё никогда не встречала скворцов Сорокиных!

— Не вижу разницы, — ехидно вмешался Васька, — Скворцовы или Сорокины, всё равно вы годитесь только для еды. Рано или поздно я вам это докажу!

— Ах, ах! — заволновалась мама, а папа поскорее прикрыл крылом дверцу скворечника.

— Разбойник! — укоризненно сказала Ваське Сорока. — Ведь ты совершенно сыт! Вон у тебя в блюдце полно молока!

— Кот должен ловить птиц, — возразил Васька, — так было, и так будет!

— Гораздо интереснее то, чего ещё не было. Попробуй начать новую жизнь. Представь себе: во всех газетах большими буквами напечатают: «Кот помогает птицам!»

— Глупости! — проворчал Васька, но задумался…

Целую неделю Сорока сидела на крыше террасы и подслушивала, о чём говорят Игорь со своим братом, студентом Мишей. А потом утащила чёрный конверт из-под фотобумаги, надела его на большой, красивый лист около скворечника и завернула клювом края, чтобы лучше держалось.

В скворечнике стоял страшный крик, потому что там орало уже целых четыре птенца и маме было не до Сороки. Но папа заинтересовался.

— Что ты делаешь? — спросил он.

— Уймите своих крикунов и слушайте! — ответила Сорока. — Оказывается, в зелёном листе на свету накапливается крахмал. Если лист затемнить, это прекратится!

— Зачем?

— Скоро узнаете!

Через три дня Сорока сняла конверт, подсунула под лист дощечку, покрытую чёрным сукном, а на лист положила негатив семейного пор-. трета. Всё это она, конечно, опять утащила у Игоря.

— На свету начнётся отложение крахмала, — важно сказала она, — но свет-то будет проходить через негатив. Значит, в тёмных местах крахмала получится меньше, а в светлых — больше. И на листе выйдет фотография!

— Здорово выучила! — засмеялся Васька с террасы. — А где же ты проявишь?

Сорока растерялась. Этого она ещё не проходила.

— Ладно, — сказал Васька, — попробую для смеха начать новую жизнь и помогать птицам. Через два часа принеси мне лист. Я уже давно учу химию вместе с Игорем.

Через два часа на перилах террасы лежали дощечка, негатив и лист, аккуратно отщипнутый от ветки. Но самой Сороки не было видно. Хотя Васька и решил помогать птицам, но все-таки она предпочитала держаться от него подальше.

Васька взял лист и пошёл в ванную, где Миша с Игорем устроили себе фотолабораторию.

Там он опустил лист в кипяток, потом поболтал его пять минут в спирту, промыл тёплой водой и положил в мисочку, на которой было написано: «Раствор йодистого калия».

— Кажется, ничего не переврал, — подумал Васька, — подождём — увидим!

Но, очевидно, Васька хорошо запомнил всё, что делал Игорь, потому что на листе начал появляться отпечаток семейного скворцового портрета. Когда он стал совсем чётким, Васька осторожно подвёл под лист бумагу, вынул и вместе с бумагой положил сушиться в укромном месте.

— Всё! — вздохнул он и с отвращением отряхнул мокрые лапки. — Препротивное занятие! И зачем мне это понадобилось!

На следующее утро великолепный портрет висел уже рядом со скворечников и все птицы так громко кричали от восторга, что даже заглушали четырёх птенцов.

— Чудеса! Чудеса! — щебетали птицы. — Кот помогает птицам! А как похож Кика Скворцов!

— Он теперь носит фамилию Сорокин! — поправила мама.

— Пожалуй, правильнее будет называть его Сорокин-Кошкин, — скромно заметила Сорока, — ведь Васька помогал мне, и к тому же он начал новую жизнь!

— Нет, нет! — испугалась мама, — Кошкин — плохая фамилия для птенца!

— Да мне этого и не надо вовсе! — крикнул с террасы Васька. — Захочу, так все будете Кошкины!

— Ах! Ах! — в ужасе закричали птицы и разлетелись.

— Значит, ты не начал новую жизнь? — огорчилась Сорока. — Почему же ты помогал нам?

— Просто так, — ответил Васька, — от скуки.

И это была правда. Коты всегда останутся котами. И помогать птицам они будут только от скуки. А про фотографию на листе тоже правда. Каждый может сделать такую же, если захочет. Ведь она получилась даже у кота!

Красный лоскуток

В музее было тихо, потому что все посетители уже ушли, экскурсоводы тоже, а сторожа так этому обрадовались, что даже чай пили молча.

В одном зале под стеклом витрины лежали Лоскутки древних-предревних тканей, выцветшие, старые и обтрёпанные. Ведь они жили на свете много столетий и никак не могли сохраниться такими, как были. Но в музеях новые вещи бывают редко, на то они и музеи.

Уже совсем стемнело, когда витрина открылась и в неё положили ещё один Лоскут.

— Надпись сделаем завтра! — сказал кто-то. Витрина опять закрылась, звонко простучали по паркету шаги, и эхо повторило их, переходя из залы в залу, всё тише и тише, пока не смолкло совсем.

— Что это за скучное место? — недовольно спросил Новичок.

— Это музей! — строго ответил ему соседний Лоскуток.

— А ты кто такой?

— Со мной нельзя говорить на ты, — надменно сказал сосед, — я — Пурпур.

— А что это значит?

— Великие боги! Ты не знаешь Пурпура?

— Да нет, не слыхал.

— Расскажите ему! — зашуршали все остальные Лоскутки, и Пурпурный Лоскуток важно кивнул обтрёпанным уголком.

— Это было очень давно и очень далеко отсюда, — начал он. — Жаркое солнце палило обнажённые спины рабов, прикованных к палубе галеры.

— А что такое галера?

— Я вижу, тебя ничему не учили. Галера — большая лодка, на которой плавали по морю во времена Римской империи.

— Тю! — свистнул Новичок. Пурпур вздрогнул от негодования, но решил не обращать внимания на невежу и продолжал:

— Рабы мерно взмахивали вёслами, и галера быстро скользила по синим волнам. А если надсмотрщику казалось, что какой-нибудь раб мало старается, в воздухе свистел длинный, тонкий бич и кровавая полоса проступала на мокрой от пота спине. «Якорь!» — крикнул капитан. Загрохотал ворот, и тяжёлый якорь медленно пошёл на дно. Галера остановилась. Худой, голый раб с бронзово-коричневой кожей прыгнул за борт.

— Он тренировался?

— Тренируются только атлеты, а рабы делают то, что им велят. Этому рабу было приказано достать со дна моря улитку, по имени Му-рекс. Он нырял так долго, что кровь хлынула у него из ушей и, упав на палубу, он умер. Но он был всего только рабом, и вместо него сейчас же прыгнул следующий.

— Как! Люди погибали из-за какой-то улитки?

— Никто не считал рабов людьми, — презрительно усмехнулся рассказчик, — а Мурекс — не «какая-то улитка». Капля бесцветной жидкости, которую из него добывали, ценилась на вес золота, потому что под действием солнца и воздуха она превращалась в пурпур — царственный, красный цвет одежды императоров и полководцев.

— Какое варварство! — закричал Новичок.

— Ничего ты не понимаешь, — вздохнул Пурпур, — да оно и понятно. Ведь ты не видел великолепного торжества завоевателя, вступающего на улицы Древнего Рима. Восторженная толпа встречала шествие. В тяжёлых доспехах шли воины, и солнце играло на их блестящих щитах. Сотни повозок везли военные трофеи — слоновую кость, чёрное дерево, дорогие ткани, золото и драгоценные камни. Закованные в цепи, опустив головы, брели за повозками пленники, которым навсегда суждено было стать рабами. А впереди шествия на боевой колеснице, запряжённой четвёркой горячих коней, ехал сам император. Лавровый венок украшал его гордо поднятую голову, и ветер развевал складки пурпурной одежды — тоги.

С тех пор прошло почти две тысячи лет. Императора отравили придворные, чтобы посадить на его место другого, и так

они сменялись, пока не перестала существовать и сама Римская империя. А от тоги остался только я — маленький кусочек подола, и я лежу здесь, в витрине музея, чтобы люди могли видеть самую прекрасную из всех красок — царственный пурпур. Теперь тебе понятно, почему нельзя говорить мне «ты»?

Новичок ничего не ответил. История ему совсем не понравилась. Наверное, эти древние римляне были скверными людьми, если так жестоко обращались с несчастными рабами. А что касается отравленного императора, так туда ему и дорога. Кому нужны императоры? Но сказать всё это Пурпуру Новичок постеснялся. Ведь старику стукнуло уже почти две тысячи лет и он жил в совсем другие времена…

— И что же, все краски добывали только из улиток? — спросил он.

— Нет, нет! — зашелестели остальные Лоскутки. Им тоже хотелось рассказать о себе.

— Я — синий Индиго! — важно сказал один. — Мои кустарники с красивыми перистыми листьями и кистями цветов росли на далёком жарком острове Ява. Целые плантации сажали для того, чтобы потом размочить растение в тёплой воде и добыть из него краску. Она, конечно, стоила очень дорого, но была красива. А красота не бывает дешёвой.

— Я — Красный Кошениль. Чтобы меня получить, сушили миллионы крошечных тропических тлей, — заговорил другой Лоскуток, — это тоже дорого обходилось, но людям всегда нравился красный цвет. Ведь даже солнце называют Красным..

Новичок молча слушал рассказы Лоскутков.

— Наверное, они необыкновенно красивы, если люди делали их, несмотря на то, что это трудно и дорого, — думал он.

— А что ты скажешь о себе? — спросил Пурпур.

— Я не бывал в тропиках и не видел императоров, — скромно ответил Новый Лоскуток, — мою краску сделали на Химическом заводе, да еще, к тому же, из чёрной, вонючей, липкой каменноугольной смолы. Она совсем молодая, дешёвая и называется искусственной, или синтетической. Но зато искусственных красителей очень-очень много — несколько тысяч разных оттенков. Среди них есть и синие, и красные, и зелёные, они прочные, яркие и, говорят, красивые, хотя обходятся недорого..

— Сейчас темно, — сказал Пурпур, — утром мы посмотрим, как ты выглядишь. Я никогда не слыхал, чтобы красивую краску можно было сделать из вонючей смолы, да ещё и дёшево. А теперь пора спать.

И все Лоскутки заснули, кроме нового, потому что он очень

волновался. Ведь завтра его будет экзаменовать сам Пурпур, который носили римские императоры!

Через большое зеркальное окно в тёмную залу музея проскользнул Лунный Луч и заглянул в витрину.

— Не бойся, — прошептал он Новому Лоскутку, — всё обойдётся! Уж мне-то ты можешь поверить: я знаю, что хорошо и что плохо, потому что смотрю сверху!

Новый Лоскуток успокоился и тоже заснул. Лунный Луч заглядывал в окна, пока не обошёл все залы, которых в музее было так много, что Луч даже побледнел от усталости и уступил место Рассвету. А за Рассветом пришло Солнце — ведь они всегда ходят вместе, только Солнце идёт немножко позади, чтобы глаза людей привыкали к яркому свету постепенно и не портились.

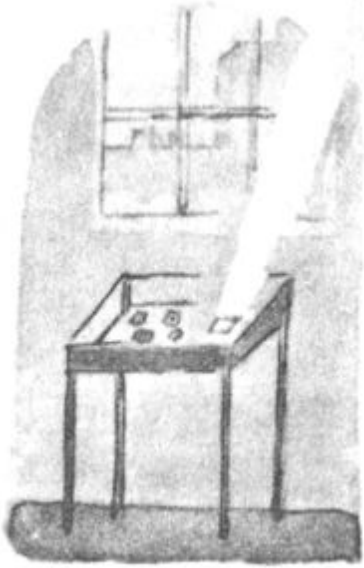
— Проснись! — ласково сказало Солнце Лоскутку и бросило в витрину длинную светлую полоску, в которой весело плясали пылинки. — Да какой же ты красавец!

И это была правда, потому что при свете Солнца Новый Лоскуток сиял таким чистым, звонким красным цветом, что даже стекло витрины порозовело. Он огляделся вокруг и увидел возле себя потрёпанный красновато-фиолетовый кусок старой ткани.

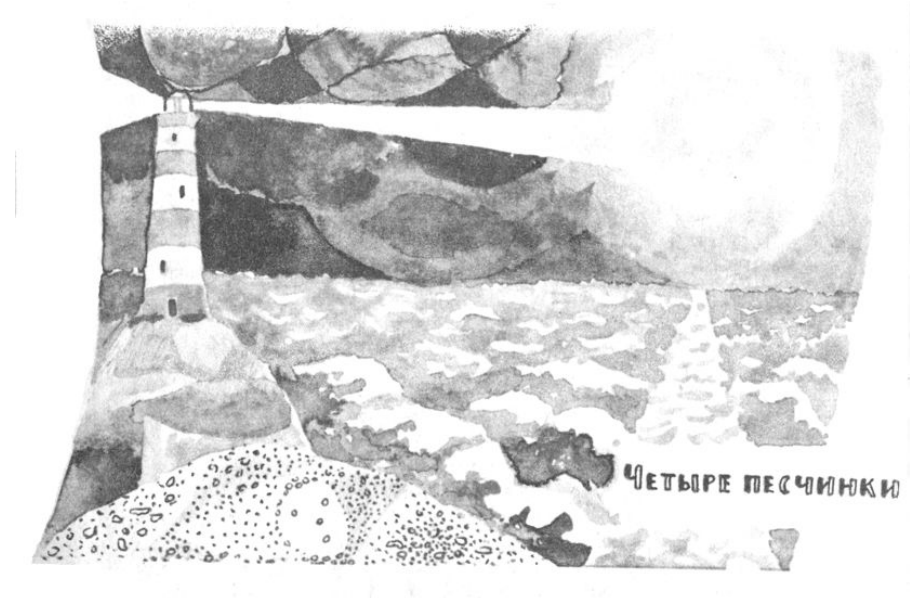
— Это вы, Пурпур? — изумлённо спросил Новый Лоскуток. — Простите меня, но мне кажется, что вы не очень красный!

Пурпур молчал. Он уже давно не спал, потому что старики вообще мало спят, и успел хорошо рассмотреть Новичка. Ему было ясно, что римским императорам и не снилась тога такого чудесного цвета, хотя краску сделали всего только из вонючей, чёрной, липкой каменноугольной смолы…

— Не огорчайся! — ласково сказало Пурпуру Солнце. — Всему своё время. Для императоров и ты был достаточно хорош. Но теперь красные ткани нужны для более важного дела — ведь из них шьют пионерские галстуки!



Четыре песчинки



ПРОЛОГ

У большого синего моря жили четыре сестры-песчинки — Си, Ди, Ми и Ли. Это очень коротенькие имена, но ведь и сами песчинки были совсем маленькими. Днём они грелись на солнышке, умывались солёными брызгами волн и болтали с кусочками янтаря, которые выносил на берег прилив. По ночам они смотрели, как луна развёртывает на воде серебряную дорожку, а маяк указывает двумя длинными светлыми пальцами, куда надо идти. У маяка не было мамы, поэтому он не знал, что пальцами указывать некрасиво…

Но песчинкам никуда идти не хотелось. Им и дома было хорошо. Только с ветром они соглашались протанцевать вальс — и тогда перелетали с места на место.

— Так будет всегда! — говорили они.

— Нет! — сказал им Маяк. — Всегда ничего не бывает. Всё меняется. Я сверху вижу много такого, о чём вы даже и не слышали.

— Ха-ха-ха! — засмеялись Си, Ди, Ми и Ли. — Мы видели гораздо больше, чем ты. Ведь тебя поставили только пятьдесят лет тому назад, когда буря сломала старую деревянную башню с керосиновой лампой. А мы живём уже много тысячелетий!

— Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним, — проворчал Маяк. Он был очень обидчивым и сейчас же отвернулся в другую сторону, хотя и не имел права так поступать. Ведь по морю шли корабли, и капитаны смотрели в большие чёрные бинокли, чтобы узнать по лучам Маяка, где находится берег.

А на другой день оказалось, что Маяк сказал правду. Пришли тяжёлые самосвалы и острыми чёрными ковшами стали забирать песок. Раз, два — в кузов! Раз, два — в кузов!

— Не трогай нас! Мы не хотим «никуда ехать! — плакали песчинки. Но никто их не слушал.

— Прощайте, сёстры! — закричала Си.

— Прощайте, прощайте! — отвечали Ди, Ми и Ли. Моторы сердито зарычали и навсегда увезли сестёр от родного берега.

— Я же говорил, что всё меняется, — вздохнул Маяк, — а мне всё-таки жалко песчинок, хоть мы и поссорились вчера. Ведь мы пятьдесят лет прожили вместе.

СИ

В кузове было очень тесно и неудобно. Си не могла пошевельнуться, потому что на ней лежал толстый слой знакомых и незнакомых песчинок.

— Куда вы? Куда вы? — посвистывал ветер, который гнался за машиной, чтобы узнать, что будет с сёстрами.

— На кирпичный завод! На кирпичный завод! — тарахтели в ответ колёса.

— Ай-ай-ай! — свистнул в последний раз ветер и улетел обратно к морю — танцевать с другими песчинками. А самосвал въехал в большие ворота, встряхнулся, вывалил песок и ушёл к Бензоколонке, которая пригласила его обедать.

— Ох, ох, ох! — вздыхала перепуганная Си. И действительно, можно было охнуть, потому что большая машина схватила песчинки, всыпала в громадный чан с глиной и начала мешать.

— Пуф, пуф! — приговаривала машина. Она давила и мяла, переворачивала, поливала тёплой водой и опять давила, пока песчинки вместе с глиной не превратились в мягкое-мягкое тесто.

— Давай его сюда! — крикнула другая машина. Она ухватила готовое тесто и вылепила из него длинный брус. Третья машина сделала в этом брусе дырочки, четвёртая разрезала его на кусочки — и получились хорошенькие кирпичики, похожие на пористый шоколад.

Си ужасно устала от всей этой возни, но кирпичики поехали еще и в печку. Фу ты, как там было жарко! Солнце на берегу

никогда так не грело!

— У меня испортится цвет лица! — подумала Си. И действительно, она стала совсем красная, краснее, чем солнце на закате.

А когда кирпичи отдохнули, их отвезли в город, чтобы выстроить из них большой, красивый дом на берегу реки.

ДИ

Ди была самая храбрая из четырёх сестёр. Она не очень испугалась, когда её увезли.

— Теперь я увижу, что делается на свете, — подумала она, — может быть, это совсем не плохо!

Но, так как из машины ничего не было видно, Ди решила отдохнуть. Она так крепко заснула, что проснулась только тогда, когда песок начали сыпать в Бетономешалку.

— Это что ещё за штука? — сказала Ди.

— Вот я покажу тебе штуку! — рассердилась Бетономешалка.

Она схватила Ди, бросила её в чан вместе с другими песчинками, цементом и гравием, полила их водой и начала мешать.

— Перестань! — закричала Ди. — У меня закружится голова!

Но Бетономешалка только чавкала: чав, чав!

„Какая невоспитанная машина! — подумала Ди. — У нас на берегу никто никогда не чавкал!“

А Бетономешалка всё мешала, поливала водой, опять мешала и чавкала всё громче и громче.

— Фу, даже жарко стало, — сказала Ди и выпила глоток воды. Но вода оказалась совсем невкусной. В ней не было ни капельки соли. А ведь Ди всегда пила только солёную морскую воду.

— Ну и ну! — вздохнула песчинка. — Даже напиться нельзя! Что же из всего этого выйдет?

И скоро оказалось, что вышел из этого бетон.

Хотя Бетономешалка не умела быть вежливой, но работала хорошо. Она знала, что бетон нужен для строительства моста, и очень старалась сделать его получше.

Когда всё было готово, бетон отвезли на стройку, и Ди оказалась высоко-высоко над рекой. Далеко внизу быстро бежала бурная зелёная вода, на берегах дымили трубы заводов, гудели автомобили и звенели трамваи. А у самой реки каменщики достраивали большой, красивый дом..

Ми и Ли попали в одну машину и очень этому радовались. Вдвоём всё-таки не так страшно.

— Как ты думаешь, сестрёнка, куда нас везут? — спросила Ли.

— Не знаю, — ответила Ми, — будем надеяться, что с нами ничего не случится.

Но с ними случилось такое, чего не смог бы предсказать даже Маяк, хотя он очень далеко видел.

Сначала песок очистили. Выбросили прочь маленькие камешки, кусочки янтаря, крошки твёрдого дерева, принесённые морем из дальних стран, и ещё разные мелочи, которые были не нужны. Потом его сушили, мельчили в дробилках, просевали. Ми и Ли ужасно устали.

— Я больше не могу! — сказала Ми. — Мы так похудели, что даже просвечиваем!

— Да, — ответила Ли, — но теперь, наверное, самое трудное уже позади!

Но самое трудное только ещё начиналось. Песчинки не знали, что из них решили варить стекло. А чтобы стекло сварилось как следует, нужна такая жара, какой даже никто не может себе представить — 1500 градусов! Вот в какую жарищу попали Ми, Ли и все остальные песчинки. Неудивительно, что они скоро превратились в густую, вязкую кашу, вроде тянучки. Каша пыхтела, вздыхала, из неё летели пузырьки, а её всё варили да варили, пока даже и пузырьков не стало. Очень это было неприятно! Ми и Ли так измучились, что уже ничего не чувствовали, хотя кашу ещё несколько раз нагревали и охлаждали, чтобы стекло получилось прочное. Сёстры не заметили даже, как их разлучили. Ли ещё остывала, а Ми уже утащили куда-то. И, когда Ми пришла в себя, оказалось, что она попала в какую-то машину. У машины было много-много маленьких формочек. Стеклянная каша вливалась в эти формочки, машина делала хлоп-хлоп, и Ми оглянуться не успела, как превратилась в частичку красивого прозрачного стакана.

Стаканы все были совершенно одинаковые и плыли друг за другом по длинной ленте, которая куда-то ехала.

— Ох, сколько нас! — сказала Ми.

— Две тысячи в час! Две тысячи в час! — зазвенели все остальные стаканы.

— Это что ещё за стихи? — прикрикнула на них машина. — Живо отправляйтесь в ящики и освободите место для следующих!

И Ми вместе со всеми поехала в магазин…

ЛИ

Ли сидела на запаянном конце длинной стеклянной трубки и оглядывалась кругом, чтобы найти Ми. Но Ми нигде не было видно.

„Теперь я осталась совсем одна, — подумала Ли, — и к тому же ужасно подурнела. Ведь я была блестящая, жёлтая, как солнышко, а стала какая-то бесцветная…“

И вдруг хорошенькая девушка в белом халате поднесла трубку к ярко пылающей газовой горелке.

— Ох, опять жара! Мы плавимся, плавимся! — закричали все песчинки. А девушка вложила расплавленный конец трубки в форму, дунула с другого конца — и получился шар. Он был прозрачный, чуть зеленоватый и совсем некрасивый. Ли очень расстроилась.

— Столько мучений мы вытерпели, а стали такой безобразной штукой! — сказала она.

Но шар покрыли зеркальной плёнкой, окунули в бак с краской. А когда шар высох и отдохнул, его отнесли в разрисовочное отделение. Это было очень интересное место. За столами сидели художницы, и перед каждой лежали самые разные кисточки — большие и маленькие, толстые и тонкие, длинные и короткие. В белых фарфоровых мисочках переливались разноцветные краски, а кругом висели пёстрые, блестящие ёлочные игрушки. Зайцы грызли красную морковку, золотой дождь топорщился от гордости, серебряные сосульки выглядели совсем как настоящие, а груши и яблоки так и просились в рот.

Художница взяла шар, в котором сидела Ли, и повертела его перед собой.

— Ну, как мы тебя нарядим? — спросила она.

— Ах, пожалуйста, покрасивее, — ответила Ли. Люди не могут, конечно, услышать, что говорят песчинки, но могут об этом догадываться. Художница догадалась потому, что ей и самой хотелось сделать шар очень красивым. Она взяла кисточку и разрисовала хрупкие, блестящие стенки необыкновенной краской, которая умеет светиться в темноте.

— Какой красавец! Как он переливается, — зашептали все остальные игрушки, — он красивее нас всех!

И это была правда. Новый шар сиял, переливался разноцветными блёстками, и в нём, как в зеркале, отражалась вся комната, и художницы, и кисточки, и игрушки.

— Я похожа теперь на каплю росы рано утром, когда восходит солнце! — радостно закричала Ли. И сразу забыла все

мучения, которые ей пришлось перенести. За такую красоту стоило пострадать!

— Скоро Новый год, — сказала художница своим подругам, — так пусть же этот прекрасный шар попадёт на ёлку к самым хорошим Детям!

В большом красивом доме на берегу реки праздновали сразу новоселье и Новый год. Ёлка сияла огнями, и дед Мороз старался спрятаться поглубже в ветвях, подальше от разноцветных свечей, потому что ему было жарко в шубе. Снегурочка обмахивалась маленькой веткой, которую она незаметно отломила, а зайцы плясали на ниточках, думая, что наступило лето.

— В лесу родилась ёлочка, в лесу она росла! — пели дети и танцевали вокруг ёлки. А взрослые сидели за столом, ужинали и поздравляли друг друга с новосельем. И всем было весело.

— Хрр-хрр, — захрипели большие старые часы, — хрр-хрр… сейчас мы пробьём полночь!

И действительно они пробили ровно двенадцать раз, не больше и не меньше, так как были очень аккуратны.

— С Новым годом! С новым счастьем! — заговорили все.

И высокие хрустальные бокалы весело ответили:

— Динь, динь.

— А теперь детям пора спать, — сказала мама, и дети сразу послушались. Хорошие дети всегда слушаются сразу.

На ёлке погасили свечи, гости ушли домой, и комната опустела. На столе остался только забытый стакан с чаем. А в стакане сидела Ми.

— Что это так блестит на ёлке? — спросила она у Ложки.

— Это светящийся шар, — ответила Ложка и отпихнула лимон, который мешал ей сесть поудобнее, — тот самый, про который говорили, что он красивее всех.

Шар сиял разноцветными огнями так, что даже освещал кончик ветки и край белого платья Снегурочки. И вдруг шар заговорил.

— Сестрица, Ми! Здравствуй, сестрица Ми! — закричал он и засмеялся от радости. Ми так подпрыгнула, что немножко чаю вылилось на скатерть.

— Веди себя прилично, — рассердилась Ложка, — ведь завтра подумают, что это я посадила пятно!

Но Ми было не до приличий.

— Ты ли это, сестрица Ли? Как я рада тебя видеть!

— Здравствуйте, сёстры! — сказал глуховатый голос. — Я тоже здесь!

— Си! Где ты, Си? — закричали Ми и Ли.

— Я здесь, в кирпиче, под обоями и под штукатуркой.

Поэтому меня так плохо слышно!

— Как хорошо! Как хорошо! — радовалисн песчинки. — И как жаль, что с нами нет Ди!

— А вы посмотрите в окно, малютки! — сказал дед Мороз и отдёрнул занавеску. Высоко над замёрзшей рекой сверкал огнями новый мост. Звенели трамваи, проносились автомобили, спешили домой запоздалые пешеходы. И вдруг один фонарь на мосту часто-часто замигал по азбуке Морзе, той самой, которой передают телеграммы: чёрточка — точка, чёрточка — точка…

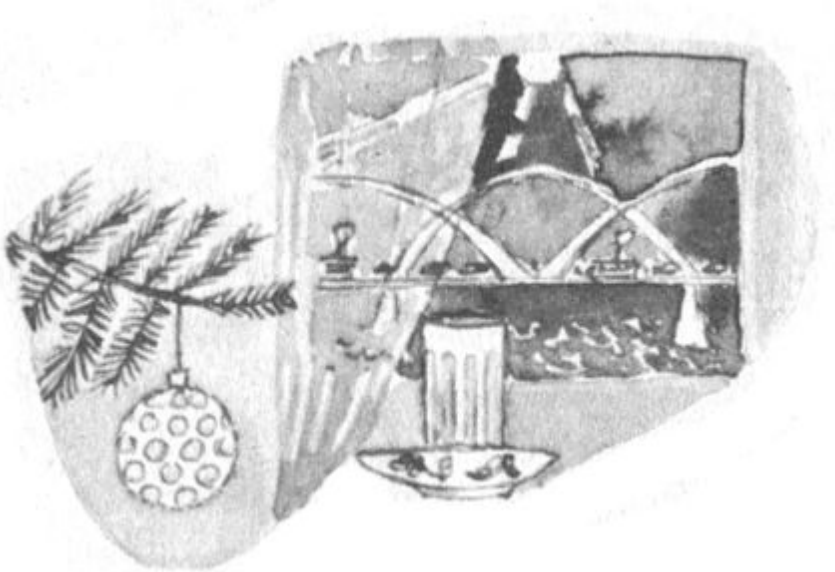
— Здравствуйте, мои дорогие сестрички! Это я, Ди! Я здесь, в бетоне под фонарём, и попросила его помигать вам от меня!

— С новым счастьем, песчинки! — сказал дед Мороз. — Вы действительно очень счастливые. Раньше вы лежали без толку на морском берегу, а теперь каждая из вас приносит пользу людям.

И три песчинки радостно ответили:

— С новым счастьем!

А фонарь на мосту просигналил эти же слова от имени Ди…»



Томатный бригадир

Миша поправил последнюю лунку, посмотрел на свою грядку и сказал:

— Теперь растите хорошенько!

Но томаты ничего не ответили. У них ещё кружилась голова после пересадки, хотя Миша привязал каждый кустик к палочке. Всё здесь было не так, как в парнике, где они выросли. Там, под стеклянной крышей, они сидели близко-близко друг к другу и ничего вокруг не видели. А теперь каждому дали отдельную лунку, ветер шевелил молодые листочки, и бутончики цветов совсем перепугались. Они ведь не знали, что мир такой большой.

Наступила ночь. В темноте ничего не было видно, ветер улетел куда-то по своим делам, и усталые кустики заснули.

Утром первыми проснулись корни. Они потянулись, пошевелили тонкими кончиками. Земля была мягкая и влажная, потому что Миша очень хорошо полил грядку.

— Да здесь не так уж плохо! — сказали корешки и послали по стебельку телеграмму наверх, чтобы узнать, как себя чувствуют цветы и листья.

— Ничего, — ответили листья, — светит солнышко, и вообще жить можно!

А цветы всё капризничали, хотя их ещё и цветами-го нельзя было назвать, такие они были маленькие.

— Нет, нет! — заявили они. — Нам здесь не нравится. Мы,

наверное, даже не распустимся, а так и увянем!

Но они не увяли. Стояли тёплые летние дни, всё росло и зеленело. Росли и томаты. Они росли так быстро, что Мише пришлось вскоре привязать их во второй раз, повыше, чтобы, не покривились стебли. От тёмно-зелёного, крепкого ствола отходили всё новые ветки, а бутончики становились крупнее с каждым днём.

— Вам, однако, пора цвести! — сказал Миша и подлил в каждую лунку понемножку вкусного напитка из воды, навозной жижи и белого порошка. Через несколько дней бутончики на самой верхней ветке потянулись, повели плечиками и превратились в цветы.

— Какие у нас красивые жёлтые платья! — закричали они. — Как хорошо теперь танцевать! Играй вальс, ветер!

И ветер заиграл. Целыми днями цветы танцевали, ночью крепко спали и совсем забыли, что им надо работать, чтобы завязались плоды.

— Эй, вы! — сказали корни. — Так нельзя!

— Вот ещё! — ответили цветы. — Вы в земле, вы и работайте!

И скоро они облетели. Ничего после них не осталось, и никто о них не вспомнил. Распустились новые цветы и тоже начали танцевать.

Миша рассердился:

— Это никуда не годится, — подумал он и пожаловался Учителю, потому что участок был пришкольный и ребята соревновались, чья грядка будет лучше.

— Пойди к Томатному Бригадиру, — посоветовал Учитель, — он живёт в белом шкафу, на второй полке, за бутылкой с чернилами.

Миша открыл шкаф и увидел коробку, на которой было написано длинное-предлинное слово.

— Трихлорфенолксиуксусная кислота… — начал было читать Миша, — ну и ну! Сразу видно, что имя волшебное! А, вот на другой стороне написано просто ТУ! Совсем как самолёт!

— Здравствуй, ТУ, — вежливо сказал Миша и высыпал порошок из одной баночки в литровую банку с водой.

Цветы на грядке всё танцевали и смеялись над Мишей.

— Не будем работать, не будем работать, нам и так хорошо! — пели они.

— Вот я вам сейчас покажу! — закричал Томатный Бригадир. Он забрался в пульверизатор и стал опрыскивать жёлтые платьица.

— Ай-ай-ай! — запищали лентяйки. Им сразу расхотелось танцевать. Ведь вода-то была волшебная, в ней сидел сам

Томатный Бригадир.

— Теперь поняли, что к чему? — строго спросил он.

— Поняли, — ответили цветы и, нечего делать, принялись за работу.

Когда лепестки облетели, на месте каждого цветка остался маленький, хорошенький помидорчик красивого зелёного цвета. Помидорчики росли и толстели. А Бригадир продолжал им помогать. Он помогал так хорошо, что помидорчики выросли на две недели раньше срока и от гордости начали краснеть.

— Вот так-то! — сказал Томатный Бригадир. — А вы не хотели работать!

Осенью на Мишиной грядке оказалось так много помидоров и они были такие крупные и сладкие, что Миша занял первое место в соревновании.

— Спасибо тебе, ТУ, — поблагодарил он. А все остальные ребята закричали, что на будущий год и они тоже пойдут к доброму Томатному Бригадиру.

Безработный шелкопряд

На Кавказе, у Чёрного моря, в жаркой-прежаркой Колхиде, росли тутовые деревья и сладкие чёрные ягоды падали на горячую землю. Деревьев было много — ведь их листьями кормят гусениц бабочки Тутового Шелкопряда, чтобы они делали шёлковые нитки. А на самом большом из деревьев сидел сам Тутовый Шелкопряд и морщился от солнца.

— Не нравишься ты мне, — сказал ему воробей, который присел отдохнуть, — толстый, неуклюжий, летать почти не можешь. Только и умеешь откладывать яйца, точно курица.

— А шёлк? — ухмыльнулся Шелкопряд и зевнул.

— Твой шёлк скоро никому не будет нужен.

— Ну да, — ещё шире заулыбался Шелкопряд, — просто ты завидуешь!

— Чему?

— Как чему? За мной ухаживают, меня кормят, для моих гусениц каждый день рвут самые свежие листья. Мой шёлк нужен всем. Девушки шьют из него платья, доктора зашивают раны, для монтёров делают изоляцию, а для лётчиков — парашюты…

Но тут воробей улетел, потому что в сад вбежали три девушки в красивых разноцветных платьях.

— Вот и мой шёлк! — гордо сказал Шелкопряд.

— Ничего подобного! — хором ответили Платья. — Мы тебя совсем не знаем!

— А из чего же вы?

— Из капрона.

— Из ка-а-прона? — протянул Шелкопряд. — Это что же, какая-нибудь новая бабочка?

— Никаких бабочек мы не видели. Нас сделали люди.

— Как это?

— Перестань приставать! — вздохнуло. Голубое Платье. — Всё равно мы не успеем рассказать. История эта длинная, а девушки сейчас уйдут!

— Очень жарко сегодня, — сказала одна из девушек, — давайте посидим под этим деревом.

И они уселись на скамейку.

— Ну, теперь ты можешь рассказывать! — обрадовался Шелкопряд.

— Ладно, слушай. Нитки моей ткани сделаны из каменноугольной смолы.

— Вот даёт! — засмеялся Шелкопряд.

— Если ты будешь говорить глупые слова, толстый невежа, я ничего не расскажу! — рассердилось Голубое Платье.

— А что здесь особенного?

— Так говорить очень некрасиво!

— Ну, хорошо, больше не буду, рассказывай!

— Так вот, в каменноугольной смоле есть особое вещество, из него сделали кашу, подогрели её в большом чане и пропустили через мелкое решето, чтобы через каждую дырочку вылезли тонкие-пре-тонкие ниточки. Из ниточек соткали материю, выкрасили её и сшили платье.

— А зачем такая канитель? Мои гусеницы уже три тысячи лет делают тонкие ниточки.

— Это с твоими гусеницами канитель. Целый месяц их надо кормить по десять раз в сутки. И сколько ещё потом возни, прежде чем получатся нитки. А нитки-то совсем не такие хорошие, как наши. Ведь капрон прочнее шёлка. Между прочим, у меня недавно родился новый братец, его назвали Энантом. Так он хвастается, будто он ещё прочнее, чем я. Но это, конечно, пустяки!

— Нет, и здесь жарко! — закричали девушки и убежали к морю купаться. Платья только и успели прошелестеть: «До свиданья!»

— Вот так история! — подумал Шелкопряд. — Если всё это правда, у меня могут быть неприятности!

Но особенно долго раздумывать он не стал. Пора было класть яйца — ведь больше он ничего не умел. Не так-то просто снести девятьсот штук яиц. И Шелкопряд вспомнил воробья. Курица! Ни

одна курица за это не возьмётся! А на другой день девушки пришли опять. Но платья в этот раз были какие-то грустные.

— Что с вами? — спросил Шелкопряд, который отдыхал после возни с яйцами.

— Ах, мы очень огорчены, — ответило Голубое Платье, — сегодня рыбаки устроили соревнование капроновых сетей с энантовыми, и команда капрона проиграла.

— Как же они соревновались?

— Сперва им велели полежать на солнце, потом сунули в печку, где было сто пятьдесят градусов жары, а после этого — в воду.

— Ну и что?

— А то, что Капрон очень сильно ослабел, а Энант только немножко устал. И воды он впитал в себя в полтора раза меньше, чем Капрон. А когда в капроновую сеть попала большущая рыба, сеть не выдержала и лопнула. Энант же сразу подхватил эту рыбу, и, как она ни рвалась, ничего у неё не вышло. Теперь сети будут делать только из Энанта.

И Голубое Платье грустно опустило все свои оборочки. Загрустил и Шелкопряд. Он отлично знал, что для таких соревнований его шёлк совсем не годится. От солнца шёлк пожелтеет, в печке сгорит, в воде намокнет, а удержать большущую рыбу, конечно, не сможет.

— Сегодня я умру, — сказал Шелкопряд, — ведь мы живём только два дня. Надо поскорее рассказать всё это гусеницам!

И он отправился в сарай.

Там, на подвесных койках в три яруса, как матросы в кубрике, жили белые, толстые гусеницы. У каждой было целых две пары челюстей, потому что таким обжорам одной бы не хватило, ведь им нужно было сделать хороший запас на то время, когда они обмотаются коконом из шёлковых ниточек и улягутся спать. Они ели тутовые листья днём и вечером, ночью и утром, и ели так жадно, что листья шуршали, и Шелкопряду пришлось говорить очень громко.

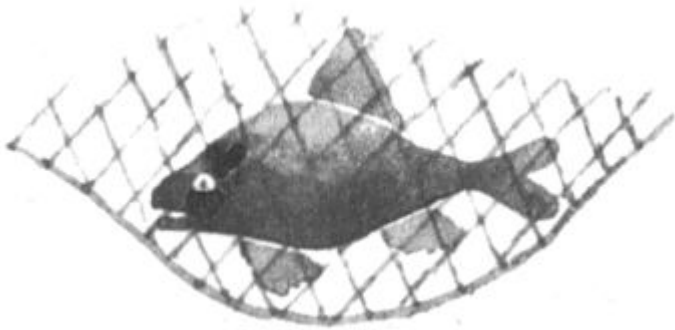
— Слушайте меня, дети! — сказал он, и гусеницы подняли головы с кусками листьев во рту.

— Для нас приходят плохие времена, — продолжал Шелкопряд, — люди стали делать искусственные нити лучше и дешевле наших. Может быть, вы все станете безработными. Поэтому вам надо научиться опять, как три тысячи лет назад, летать и самим искать себе еду!

И он пошёл умирать, но нисколько этим не огорчился, потому что очень устал от кладки яиц и от переживаний. А гусеницы переглянулись и пошевелили челюстями.

— Старик выжил из ума! — засмеялись они и опять принялись за еду.

Они не поверили Шелкопряду. Но ведь сперва и Шелкопряд не верил Капрону, Капрон не верил Энанту, и Энант не поверит, когда появится новое волокно, ещё лучше и прочнее, чем он. А это обязательно случится. Так уж полагается на свете, потому что всё идет вперёд, кроме раков и лентяев.



Нехочучка

— Леночка, иди обедать! — сказала мама.

— Не хочу! — ответила Леночка.

— Опять «не хочу»?! — рассердилась мама. — Разве ты не знаешь, что так говорить нельзя?

— А я не хочу! — упрямо повторила Леночка и убежала на двор, где мальчики и девочки играли в прятки.

— И я с вами! — крикнула Леночка.

— Хорошо! Давай считаться, кому водить!

— Давай!

Эне бене речь,
Квинтер-винтер жечь.
Эне бене раба,
Квинтер-винтер жаба! —

посчитала Леночка, и «жаба» попала как раз на неё.

— Ленке водить, Ленке водить! — обрадовались дети.

— Я не хочу! — надулась Леночка.

— Как это не хочешь? Сама считала!

— Всё равно не хочу. Хочу прятаться!.

— Это не по-честному!

— А тогда я не играю!

— Ну и не надо! — засмеялись дети.

— Вы все противные! — заявила Леночка.

— Ты сама противная! Нехочучка! — закричали дети и убежали.

Леночка ужасно рассердилась, пошла домой и увидела, что в гости приехала тётя, которая жила в колхозе, потому что была агрономом.

— Поедем со мной! — предложила тётя.

— Не хочу! — ответила по привычке Леночка, но потом передумала и поехала с тётей в колхоз.

— Свари на завтрак картошки! — велела утром тётя и убежала на работу. Сказать «не хочу» было некому, есть хотелось, и Леночка полезла в подвал. Там оказалось очень интересно. Под потолком висели громадные кочны капусты, в одной бочке лежали солёные огурцы, в другой — красные маринованные помидоры, из-под кучи песка выглядывала морковка, а по углам возвышались две большие кучи картошки. Правая куча была совсем хорошая, розовая, а в левой из картофелин торчали длинные белые ростки, и сами картофелины выглядели какими-то бледными.

— Что это с ней? — удивилась Леночка.

— Она растёт! Она растёт! — закричали все овощи.

— Не надо тебе расти, ещё рано. Подожди, пока будет новая картошка! — сказала Леночка.

— Не хочу! — ответила Бледная Картошка, и Леночка вспомнила маму.

— Разве ты не знаешь, что так говорить нельзя? — прикрикнула она на Картошку.

— А я не хочу! — дерзко повторила Картошка и насмешливо пошевелила ростками.

— А я тебя съем! — рассердилась Леночка.

— А я невкусная! — дразнилась Картошка.

— Оставь её, — басом сказал Кочан Капусты, — она у нас Нехочучка, как и ты.

— Откуда ты знаешь про меня? — покраснела Леночка.

— Мама написала про тебя тёте, тётя читала письмо вслух дяде, а я всё слышал, потому что вишу под самым потолком. Ведь наш потолок — это пол вашей комнаты.

— Тогда ты должен знать, что тётя велела мне сварить картошки.

— Знаю. Только картошку надо брать из правой кучи.

— А ты никогда не говоришь «не хочу»? — спросила Леночка у розовой Картофелины.

— Теперь нет, — вздохнула Розовая Картофелина.

— И расти она тоже не будет! — засмеялся Огурец, который

выглянул из бочки, чтобы послушать.

— Почему?

— Твоя тётя агроном, а все агрономы немножко волшебники, — вмешалась Морковка и стряхнула с плеча песок, — разве ты не видишь, что мы все необыкновенные?

— Меня заставили покраснеть на целый месяц раньше срока! — плаксиво протянул большой маринованный Помидор.

— Я стал почти таким же длинным, как кабачок, — сказал Огурец, — и нам тесно в бочке!

— Я так растолстел, что еле держался на ноге. Ведь она-то у меня всё-таки одна, — вздохнул Кочан Капусты.

— А я уже никогда не буду расти, — тихо добавила Розовая Картошка, — и всё это сделала твоя тётя.

— Расскажи ещё разок, — попросил Огурец, — я люблю слушать то, что. уже знаю, потому что тогда понимаю, какой я образованный. А Леночке это будет полезно!

— Когда нас выкопали осенью, — начала Розовая Картофелина, — мы все были одинаковыми, но нас сразу разделили на две кучи.

— Левую мы посадим, — сказала тётя, — отнесите её в погреб.

— Не хочу! — ответила Левая Куча, но её всё-таки отнесли. Вот она лежит, растёт и по-прежнему говорит «не хочу».

— А этим мы расти не позволим! — показала тётя на правую кучу. — Они останутся такими, как сейчас, и мы будем их есть!

Мы все тоже сказали «не хочу», но это нисколько не помогло. Нас положили в ящики с дырочками и отвезли в большой сарай. В сарае стояла коробка, а перед ней медленно двигалась длинная лента.

Кто говорил здесь «не хочу»?
Того сейчас я облучу! —

сказал чей-то голос из коробки.

— Кто это говорит стихами? — удивились Картофелины.

— Я — могущественный Серый Чёртик, и зовут меня Радиоактивный Кобальт! — ответил голос. — Становитесь на ленту и поезжайте ко мне!

— Не хотим! — кричали мы, пока рабочие ставили ящики на ленту. Но это было уже в последний раз, потому что, когда мы проезжали мимо коробки, Серый Чёртик бросил в нас через окошечко целую кучу маленьких, сердитых лучиков. Лучики так и набросились на нас. За одну секунду они успели укусить каждую картофелину по нескольку раз.

— Вот я вас и облучил! — крикнул нам вслед Серый Чёртик…

Картофелина замолчала.

— Ну и что? — спросила Леночка.

— А то, что после этого мы уже никогда больше не говорили «не хочу» и никогда не пытались расти. Сердитые лучики сделали нас послушными. Теперь мы годимся только для еды.

— Люблю слушать такие поучительные истории! — вздохнул Огурец.

Но Леночке эта история совсем не понравилась. Ей даже стало страшновато — ведь и она часто гЬворила «не хочу». Неужели она не будет расти?

— Что ты там делаешь? — спросила тётя и заглянула в погреб. Леночка быстро набрала полную кастрюльку картошки из правой кучи и полезла наверх.

— Я сама почищу, тётя! — сказала Леночка и быстро принялась за работу.

— Чудеса! — удивилась тётя. — Я думала, ты скажешь «не хочу».

— Я никогда больше не буду говорить «не хочу», — прошептала Леночка, — только не отправляй меня к Серому Чёртику, который не позволяет расти!

— Расти на здоровье, — засмеялась тётя, — и вырасти большой и умной!

И Леночка на самом деле никогда больше не говорила «не хочу». А тётя прекрасно поняла, что картошка рассказала Леночке свою историю, но нисколько этому не удивилась. Ведь она была агрономом, а все агрономы немножко волшебники…

Кто будет лизать кота?

Кот Василий Петрович сидел под столом и умывался. Он мыл спину и бока, хвостик и лапки, но за ушами решил вымыть в другой раз, потому что это очень трудно. А за столом сидел Митя и учил урок по химии. Чтобы лучше запомнить, он подчёркивал строчки в учебнике, чего делать вовсе не следует, и зубрил вслух, что, в общем, тоже ни к чему.

— Катализатор!.. Катализатор! — говорил он.

Василий Петрович перестал умываться и прислушался.

— Я никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь лизал кота, — удивился Василий Петрович, — все мои знакомые, кроме котят, лижутся сами! — и он так старательно почесался левой задней ногой, что правая громко застучала по полу.

— Брысь! — сказал Митя. — Ты мне мешаешь!

— Подумаешь, — недовольно мяукнул Василий Петрович. Он часто слыхал, что Митя отвечал так бабушке, а плохие примеры всегда заразительны.

— Иди, иди! — прикрикнул Митя, Василий Петрович поднял хвост трубой и ушёл в кухню. Там никого не было, только солнце играло в зайчики с донышками кастрюль и, как в зеркале, отражалось в блестящих боках чайника, потому что бабушка очень хорошо чистила свою посуду. Василий Петрович тоже посмотрелся в чайник, пригладил усы и прилёг на подоконнике отдохнуть после умывания.

— Кто же такой этот Котолизатор? — подумал он и

вытянулся во всю длину, чтобы хорошенько погреться на солнце. Лежать было так приятно, что Василий Петрович зажмурился от удовольствия, замурлыкал и размечтался. Ему представилось, как приходит таинственный Котолизатор и тщательно, нежно начинает лизать его серую пушистую шерстку.

— Повернитесь, Василий Петрович! — вежливо говорит Котолизатор, — правый бок уже готов! — и Василий Петрович лениво переворачивается. Котолизатор лижет ему и спинку, и животик, и за ушами, где так трудно вымыть собственной лапой… Хорошо!

— Пойду спрошу, не знают ли чего-нибудь товарищи? — решил Василий Петрович. Он пожевал на дорогу листики в цветочном горшке, за что обязательно получил бы шлепка полотенцем, если бы бабушка была дома, выпрыгнул в открытую форточку и прошёл по карнизу в соседнюю квартиру, где жила его приятельница Маша.

— Здравствуйте, Марья Ивановна, — сказал он, — что вы думаете о Котолизаторе?

— Ничего не думаю, — фыркнула Маша, — я не знаю, что это такое.

— Вот вам приходится каждый день тратить массу времени, чтобы вылизывать вашу беленькую шубку. А если бы это делал Котолизатор, вы бы только и знали, что поворачиваться с боку на бок.

— Ни одна кошка не доверит себя лизать какому-то Котолиза-тору, — решительно заявила Маша. — Для вас, котов, это, может быть, и хорошо. Ведь вы порядочные лентяи и неряхи. Но я ничего не слышала о Котолизаторах.

— А где сейчас все остальные?

— На крыше. Репетируют программу сегодняшнего ночного концерта. Я как раз собиралась туда идти. Если хотите, пойдём вместе.

На крыше была в сборе вся компания. Кошки и коты сидели вокруг трубы, а на трубе стоял чёрный Франтик в белом галстуке, как полагается дирижёру, и даже в белых перчатках, хотя это было уже не обязательно. Но иначе он не мог, потому что они вообще не снимались.

— Фальшивишь, Пушок! — крикнул Франтик и постучал по трубе хвостом. — Повторим последнюю фразу ещё раз!

— М-р-р! Мурр! М-р-р! Мурр! — подхватили аккомпанемент хористы.

— Мя-я-я-у! — звонко залился солист, тенор Пушок.

— Извините! — сказал Василий Петрович, который славился своей вежливостью, кроме тех случаев, когда брал пример с

Мити. — Есть важное сообщение!

— Перерыв! — объявил Франтик и спрыгнул с трубы — В чём дело?

— Дело в том, что изобретён Котолизатор, избавляющий кошек от необходимости мыться самим и мыть котят!

— Чушь! — закричали кошки.

— Неплохая идея! — заинтересовались коты. — От этого вечного вылизывания давно языки болят. А где его достать?

— Этого-то я как раз и не знаю. Я только слышал, как Митя говорил о нём, когда учил урок.

— А какой урок учил Митя?

— Химию.

— Тогда надо спросить у старого Барса. Ведь его хозяин — учитель химии.

— Правильно! — обрадовался Василий Петрович. Репетицию отложили, и все отправились через чердак к квартире учителя. Кошки тоже пошли, хотя и сказали, что это чушь. Но не могли же они допустить, чтобы коты услыхали что-нибудь такое, чего они не знают!

— М-р-р-р! Мя-я-у! — запел хор под дверью, и на лестницу выглянула старуха — мать учителя.

— Батюшки светы, — удивилась она, — котов-то! Котов — что людей! Барсик, иди сюда, это, наверно, к тебе!

Рыжий, слегка уже облезлый Барс нехотя, потягиваясь, вышел из кабинета. Он любил спать на книжках.

— Ну, кто там? — недовольно спросил он, но старуха, конечно, услышала только «мрр», потому что она по-кошачьи понимала всего две фразы: «хочу есть» и «пусти гулять».

— Что вам нужно, молодёжь? — спросил Барс.

— Простите, пожалуйста, — извинился Василий Петрович, — не будете ли вы так любезны рассказать нам, где можно достать Ко-то-ли-затор? Нам надоело вылизываться самим.

— Ох! — сказал Барс и начал смеяться. Он смеялся так долго, что у него из глаз потекли слёзы, хотя всем известно, что кот не может наплакать слишком много.

— Я прожил долгую жизнь, — вздохнул он и вытер глаза лапой, — и никогда не ленился вылизываться. Я всегда вылизывал спину и бока, живот и лапки, хвост, голову, а особенно тщательно — за ушами. Так поступают все порядочные кошки. И мне грустно слышать, что молодым котам надоело вылизываться…

— Вы, конечно, правы, — смутился Василий Петрович, — но наука идёт вперёд, и если уже существует Котолизатор…

— Не Котолизатор, а Катализатор. Он не имеет никакого

отношения к кошкам.

— Я так и знала! — вмешалась Маша. — Разве кто-нибудь может вылизать меня или моих котят чище, чем я это делаю сама?

— Конечно, не может! — подхватили кошки. Но коты недовольно молчали. Они так надеялись избавиться от ежедневного вылизывания!

— А что же это за зверь Ка-та? — спросил Василий Петрович. — Его-то Катализатор лижет?

— Никого он не лижет. Как бы вам объяснить? Ну вот, у нас на кухне стоит банка с крахмалом. Если налить туда кислоты, крахмал превратится в сахар. Кислота и есть катализатор.

— А есди не наливать? — заинтересовалась Маша.

— Если не наливать, тоже превратится, только, может быть, через сто тысяч лет или чуть поменьше. А катализатор — такая штука, которая ускоряет то, что должно сделаться. Химикам часто нужны разные катализаторы, чтобы побыстрее получить много важных вещей. Поняли?

— Чушь! — быстро ответили кошки. — Никто не станет превращать крахмал в сахар. Проще купить его в магазине.

— Фу ты, — вздохнул Барс, — разве в этом дело? Я объясняю вам, что такое катализатор. Ну, а вы, коты, поняли?

Коты уныло молчали.

— Я не могу утверждать, что мы поняли всё, — сказал за всех Василий Петрович, — но суть нам ясна. Вылизываться придётся по-прежнему самим, не так ли?

— Именно так.

— Только дочиста! — ехидно вставила Маша, и все кошки громко захохотали. Только, конечно, у них получилось не «ха-ха-ха», а «мя-мя-мя».

— Перестанете вы орать? — выскочила из дверей старуха. — Брысь отсюда!

Тут вся компания так поскакала обратно на чердак, что только хвосты замелькали, и впереди всех бежал важный дирижёр Франтик. А Барс проскользнул мимо старухи, прошёл в кабинет учителя и снова лёг на книжки.

— Выдумают же такое — Котолизатор! — засмеялся он и принялся тщательно вылизывать ноги, потому что выходил на грязную лестницу босиком. А кто будет лизать кота, если он сам этого не сделает?

ЛИТЕРАТУРА

Маленькая спичка

Сорок девять сестёр были похожи друг на друга, как сорок девять капель воды, потому что их сделала одна и та же машина, на одной и той же фабрике, и все они приходились внучками одной и той же ёлке, но среди них попадались хорошие и плохие. Это случается даже с людьми, а ведь они были всего только спичками.

А на самую младшую, пятидесятую сестру, немножко не хватило дерева, и она получилась меньше и тоньше остальных. Кроме того, у неё было нежное сердце, а для спички это совсем лишнее.

Коробка, в которой жили сёстры, лежала на плите, где каждый день вспыхивали огни газовых горелок. Язычки пламени распускались, словно большой голубой цветок, и Маленькой Спичке казалось, что ничего не может быть прекраснее. Но, странным образом, каждый раз, перед тем как они появлялись, исчезала одна спичка. Пришёл день, когда сестёр осталось всего трое — Старшая, Средняя и Маленькая.

— Как пусто у нас стало, — грустно сказала Средняя, — теперь эта квартира даже слишком велика для нас.

— Но, может быть, сёстры ещё вернутся? — робко спросила Маленькая.

— Не говори глупостей, — резко ответила Старшая, — они никогда не вернутся, потому что их больше нет. Огонь убил их.

— Этого не может быть! Огонь так могуч и прекрасен, зачем ему простая деревянная спичка?

— Простая деревянная спичка зажигает твой прекрасный огонь, — сердито буркнула Средняя.

— Неправда! — воскликнула Маленькая, — ему никого не нужно, чтобы сиять. Наверное, его зажигает сама Молния!

— Не Молния, а толчёное стекло! — засмеялась Старшая. — Знаешь ли ты, из чего сделана твоя глупая головка?

— Нет, а что?

— А то, что она сделана из бертолетовой соли, серы и толчёного стекла. Соль выделяет кислород, без которого не бывает огня, сера легко загорается. И, когда головкой чиркнут о коробку, намазанную смесью толчёного стекла и красного фосфора, сера согреется, соединится с кислородом, головка вспыхнет и зажжёт огонь. А потом спичка сгорит — и всё.

— Ну и пусть! — упрямо ответила Маленькая Спичка. — Разве не прекрасно погибнуть ради того, чтобы загорелся яркий огонь?

— Ничего ты ещё не понимаешь, — вздохнула Старшая, — всё это одни слова. Лучше всего спокойно лежать долгие годы в уютной коробке. Особенно теперь, когда стало так просторно!

Но тут коробка открылась и в неё заглянули Пальцы.

— Здравствуйте! Вот и мы! — сказали они и ухватили Старшую Спичку за талию. — Иди-ка сюда, нам нужно сварить суп!

Ярко вспыхнул огонь, весело заплясали голубые язычки, и скоро большая белая кастрюля замурлыкала, точно кошка. Она дружила с огнём. Каждый день они встречались на этом самом месте, и к ним приходила ещё Ложка, чтобы снимать с супа пену. А Старшая Спичка куда-то исчезла, как и другие. Но Маленькая Спичка не грустила о ней.

— Если правда, что сестра зажгла прекрасный голубой огонь, ей можно только позавидовать, — думала она, — ах, скоро ли придёт и мой черёд!

Вечером ушла Средняя, и Маленькая Спичка осталась совсем одна в пустой коробке.

Наступила длинная, тёмная ночь. Никто не приходил в кухню, погасло электричество, и чёрный крест оконной рамы не выделялся на потемневших стеклах.

Спали кастрюльки на полке и ложки в буфете, спал и огонь. Ведь огню тоже нужно иногда отдыхать.

Вечный огонь горит только над могилами павших героев, а в плите-то огонь самый обыкновенный, кухонный, хоть он и казался Маленькой Спичке прекрасным. Только вода в трубах пела тихую

песенку и звонкие капельки отбивали такт по фарфоровой раковине, потому что Пальцы неплотно закрыли кран.

А Маленькой Спичке не спалось. Она слушала песню Воды и мечтала о завтрашнем дне. Она с трепетом ждала прекрасного мгновения, когда её коричневая головка вспыхнет. и зажжёт чудесный голубой огонь.

А если ей суждено погибнуть, — что ж, лучше недолго, но ярко гореть, чем долгие годы дремать в тёмной коробке…

— Пусть сера, пусть фосфор, пусть даже толчёное стекло, — тихо сказала она, — главное не «почему», а «для чего»…

— Ну-ну, — засмеялась Вода, и капельки-остановились на минуту, чтобы послушать, — а какое же это «для чего»?

— Принести пользу людям и зажечь прекрасный огонь, — ответила Маленькая Спичка.

— Тем, у кого слишком нежное сердце, лучше держаться подальше от огня! — наставительно сказала Вода.

— Неужели ты его не любишь?

— Не особенно. А он меня просто не переносит.

— Тогда, значит, ты плохая! — рассердилась Маленькая Спичка. — То, что не нравится Огню, не может быть хорошим!

Вода была слишком старой и умной, чтобы обижаться. К тому же она знала, что Маленькая Спичка живёт свою последнюю ночь, и немножко жалела её.

— Ты не поймёшь меня, — сказала она, — спички никогда не дружили с водой. У нас разная судьба.

И Вода опять тихонько запела.

Капельки так заслушались, что чуть не опоздали, но спохватились и принялись звонко отбивать такт.

А ночь всё шла и шла, пока не ушла совсем. Снова появился чёрный крест оконной рамы на голубых от рассвета стёклах. Потом стёкла стали розовыми, и в кухню заглянуло Солнце. Оно только что проснулось и, должно быть, немножко отлежало себе щёки, потому что они были совсем красными.

— Пора вста-а-вать! — зевнуло Солнце.

— Сейчас! — откликнулся Будильник из комнаты. Он весело зазвонил изо всех сил, и скоро в коробку заглянули Пальцы.

— Да тут только одна спичка, и та маленькая, — сказали они, — вдруг она не загорится!

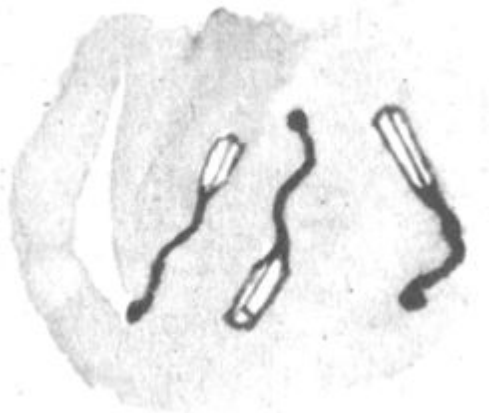
— Я загорюсь! — воскликнула Маленькая Спичка. — Я обязательно загорюсь! Ведь я всю жизнь ждала этой минуты!

Пальцы взяли её и резко чиркнули головкой о край коробки. Это было очень больно, и Маленькая Спичка невольно вспомнила о толчёном стекле. Но сразу же горячее яркое пламя охватило её тело, и над горелкой взвились чудесные голубые лепестки огня.

— Здравствуй, прекрасный Огонь! — прошептала Маленькая Спичка. — Наконец-то мы встретились! Я так счастлива!

А через секунду от неё остался только обгорелый кусочек дерева, и огонь даже ничего не заметил, потому что он был занят своим делом.

— Вот и всё, — вздохнула Вода, — прощай, Маленькая Спичка! Всего одно мгновение ты жила настоящей жизнью, но с радостью отдала её, чтобы зажечь огонь для людей. Что же может быть прекраснее этого?..



Морковкины бусы

Шумит Балтийское море. Зелёные волны бегут друг за другом и бросают на берег свои белые шапочки, сделанные из самой лучшей пены. А вместе с шапочками остаются на золотом песке и старые игрушки волн, которые им уже надоели, — гладкие камешки, причудливо обточенные щепки и жёлтые, прозрачные кусочки янтаря..

— Здравствуй, Камешек! — сказала Золотая Песчинка.

— Я не Камешек, — ответил Янтарь и сел поудобнее, чтобы обсушиться, — я просто смола!

— Смола? — удивилась Золотая Песчинка. — Не может быть! Смолы на берегу много, потому что море обдирает её с кораблей и бросает сюда. Но ведь она совсём чёрная и липкая!

— Это другая смола. Она ещё молодая. А я родился сотни тысяч лет тому назад. Далеко отсюда рос большой сосновый лес. Море подмыло берег, сосна упала в воду и сгнила. А её смола в воде затвердела и рассыпалась на куски. Разноцветные рыбки водили хороводы вокруг жёлтых, прозрачных кусочков, волны гладили их мягкими зелёными руками, а жемчужные раковины приглашали их в гости, и они Играли с маленькими белыми жемчужинами…

— Интересно… — протянула Золотая Песчинка. — А что это у тебя внутри?

Янтарь вздохнул.

— Комар! — неохотно ответил он.

— Простой комар?

— Нет, не простой, а древний. Видишь ли, он сел когда-то отдохнуть на дерево, завяз ногами в смоле, да так и остался. Я его таскаю с собой почти миллион лет и никак не могу от него избавиться, хотя он ужасно мне надоел.

— Ах, какой красавец! — воскликнула Девушка, которая шла по берегу. Она подняла Янтарь, окунула в воду, чтобы отмыть песок, и обтёрла подолом своего розового платья.

— Ты так хорош со своим комаром, что из тебя надо сделать брошку! — сказала она.

— А при чём тут комар? — рассердился Янтарь. — Он только мне мешает. И вообще оставьте меня в покое, я хочу отдохнуть.

Но Девушка сунула его в карман и поехала на янтарный завод. Сколько там было янтаря! Куски были маленькие и большие, некоторые даже весили по нескольку килограммов. Мощные машины вгрызались глубоко в землю, чтобы достать эти древние слёзы хвойных деревьев Светлые и тёмные, жёлтые как солнце, красные как кровь, и розовые как заря, они лежали и ждали, чтобы искусные мастера превратили их в чудесные, нарядные вещи.

— Сделайте мне, пожалуйста, брошку! — попросила Мастера Девушка.

Мастер надел очки и внимательно осмотрел Янтарь со всех сторон.

— Хороший кусок! — сказал он. — Надо только его немножко обчистить, чтобы комара было лучше видно!

— Опять этот комар! — вздохнул Янтарь. А мастер стал осторожно снимать с него тонкие стружки.

— Ай, ай, больно! — закричал Янтарь.

— Ничего! — ответил Мастер, который его понял, потому что работал с янтарями всю свою жизнь. — Зато ты будешь очень красивым!

И действительно, брошка получилась замечательная! Сквозь отполированные срезы, как через большие зеркальные окна, был виден со всех сторон древний комар, а сам Янтарь блестел и переливался в солнечных лучах.

— Погляди-ка на себя теперь! — засмеялся Мастер и поднёс его к зеркалу.

«Да, недурно», — подумал Янтарь, но промолчал, потому что ещё сердился. Уж очень ему надоел этот комар!

— Большое спасибо! — поблагодарила Девушка, приколола брошку на платье и ушла. А Мастер аккуратно собрал янтарные стружки.

— Они ещё пригодятся, — сказал он, — кажется, Химики опять придумали что-то новое!

— Очень хорошо, — обрадовались Химики, когда Мастер принёс им стружки, — мы как раз собираемся делать янтарный эликсир ддя Морковки!

Старый Мастер прожил на свете уже очень много лет, но ещё никогда не слыхал, чтобы из янтаря делали эликсир, да ещё для Морковки. Но он не удивился, потому что необыкновенные вещи теперь случаются каждый день, пожелал Химикам успеха и ушёл. А Химики сейчас же принялись за работу.

— Будем делать сухую перегонку! — решили они, и начали подогревать стружки. Когда жара достигла 150 градусов, янтарь размягчился, а при 400 градусах и вовсе расплавился и даже закипел, как самый обыкновенный суп!

Химики собрали пар, который шёл из янтаря, остудили его, и получились белые пушистые хлопья, которые называются янтарной кислотой. А из янтарной кислоты сразу сделали эликсир.

— Принесите нам морковных семян! — сказал в телефон Старший Химик. Семена тотчас же принесли, и Старший Химик положил их в кислоту.

— Подержите их тут несколько дней, — приказал он Младшим Химикам, — а потом пошлите в колхоз. И пусть колхозники нам расскажут, какая будет Морковка!

Осенью колхозники сделали грядки и посеяли семена. Они всегда сеяли Морковку осенью, чтобы она за зиму успела хорошо привыкнуть к новому месту и раньше начала расти на будущий год.

А через год они увидели, что янтарный эликсир очень помог Морковке. Она не хворала, когда её щипали сердитые заморозки, перестала падать в обморок от засухи и выросла на редкость крупной и сладкой. Председатель колхоза выдернул самую красивую и повёз в подарок Старшему Химику.

— Спасибо за ваш эликсир! — сказал Председатель. Старший Химик взял маленькие янтарные бусы и повесил их Морковке на шею.

— Вот тебе аттестат! — засмеялся Старший Химик. — Ведь ты окончила Янтарную школу!

И он послал Морковку на Сельскохозяйственную выставку.

На выставке было множество всяких овощей, и все они были необыкновенно красивы. Но бус не было ни у белощёкой Капусты, ни У румяных Помидоров, ни у розовой Картошки!

— Кто дал тебе бусы? — с завистью спросила молодая белокурая Репка.

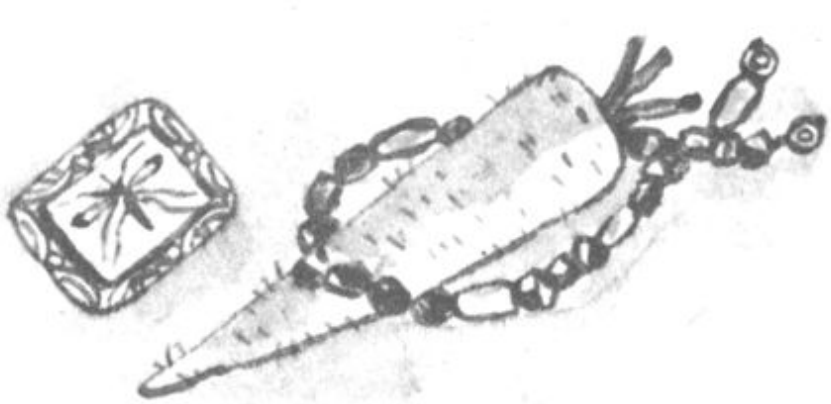
— Это диплом об окончании Янтарной школы, — гордо ответила Морковка, — мне поручили ввести новую моду. Скоро

такие бусы будут носить все Морковки!

И все овощи сразу поняли, что видят перед собой знатную особу…

А Янтарь с комаром стал любимой брошкой Девушки. Он пересаживался с одного платья на другое и совсем примирился с тем, что уже никогда не избавится от комара.

Шумит Балтийское море. Зелёные волны бегут друг за другом и бросают на берег свои белые шапочки, сделанные из самой лучшей пены. А вместе с шапочками остаются на золотом песке те игрушки волн, которые им уже надоели, — гладкие камешки, причудливо обточенные щепки и жёлтые, прозрачные кусочки янтаря…



Чудесный снег

Стояла ясная, тихая морозная ночь. Над лесом висела Луна, и её круглые, толстые щёки блестели, точно серебряные. Она их хорошо начистила по случаю полнолуния. Дремали Снежинки на неподвижных ветках деревьев, не звенели Сосульки, крепко спала замёрзшая Река. Из трубы домика, на котором было написано «Лыжная база», поднимался красивыми кольцами Дым и всё старался дотянуться до Луны, но из этого ничего не выходило.

— У-у-у… — послышалось откуда-то издалека.

Снежинки подняли головы.

— Вставайте, вставайте! — зашептали они друг другу.

— У-у-у! — раздалось громче и ближе, и к лесу подлетел Северный Ветер, а с ним Метель, которая первым делом достала из рюкзака Тучи и плотно задёрнула Луну.

— Начинаем бал! — крикнул Ветер.

Снежинки вскочили, взялись за руки и пошли танцевать. Их становилось всё больше и больше, потому что Метель бросала целые пригоршни снега из своих длинных белых рукавов.

— У-у-! — пел Северный Ветер. — Быстрее! Быстрее кружитесь!

И Снежинки заплясали быстрее. Они неслись над кустами и деревьями, скользили вдоль по дороге, присаживались на секунду и снова взлетали. Ветер подталкивал их, а удержаться было не за что. Но так как Снежинки уже немножко устали, они начали

искать места, где можно было бы отдохнуть. Они забивались в колючие ветки ёлок, прятались под горками и заборами и даже прижимались к трубе дома, хотя она была тепловатая и не очень-то приятная. Вокруг крыльца Снежинки собрались в такой сугроб, что закрыли все ступеньки, и толстой белой подушкой улеглись у самой двери.

А Ветер всё пел свою громкую песню и быстро перебирал струны проводов, которые‘заменяли ему арфу. Он так разошёлся, что несколько проводов не выдержали.

— Дз-з-зинь! — сказали они и лопнули.

— Дз-з-зинь! — ответили ледяные стены дворца деда Мороза и разбудили хозяина. Он потянулся, расчесал бороду и выглянул в окно.

— Ты зачем озорничаешь, Северный? — крикнул он Ветру. — Иди сейчас же домой!

Ветер надулся, но спорить не посмел. Ведь дед Мороз мог посадить. его в мешок, где уже сидел Южный Ветер за то, что вздумал среди зимы ломать лёд на реке.

Сразу всё стихло. Метель стряхнула с пальцев последние Снежинки, сунула в рюкзак Тучи, которыми закрывала Луну, взяла Северный Ветер под руку, и они ушли домой, в Арктику. А Луна, которая задремала под Тучами, проснулась и огляделась вокруг.

— Э, да уже светает, — сказала она, — пора и мне на покой. Солнце, выходи, твоя смена начинается!

Солнце взошло, и всё засияло. Заиграли бриллиантами усталые Снежинки, заискрились Сосульки, заблестела ледяная гладь Реки. Дым стал совсем розовым и сразу забыл про Луну. Теперь он изо всех сил тянулся к Солнцу, но из этого тоже ничего не выходило…

Дверь лыжной базы зашевелилась. Ей хотелось открыться, но снежная подушка её не пускала.

— Раз, два — взяли! — крикнули за дверью, и на крыльцо гурьбой вывалились лыжники.

— Вот так денёк! — обрадовались они, надели лыжи, и в лесу замелькали разноцветные шапочки. Все они мчались в одном направлении — к большому трамплину, который важно возвышался над Рекой.

— Жик! Жик! Жик! — только и успевали сказать лыжи, когда быстрее ветра летели с трамплина вниз.

— Хорошо! — говорили лыжники и опять лезли наверх, чтобы скатиться ещё раз.

— То-то! — усмехнулся дед Мороз и крепко ущипнул одного лыжника за, ухо. — Пользуйтесь, пока я здесь. Вот уйду, и не

будет у вас снега.

— А может быть, и будет, — ответил лыжник и потёр ухо, потому что оно совсем побелело.

— Нет, — сказал дед Мороз, — никто, кроме меня, не умеет его делать!

— А мы попробуем!

— Кто это — мы?

— Мы — химики.

— Ах, вот как! — рассердился дед Мороз и принялся изо всех сил щипать лыжников за уши, за коленки и за носы.

— Ай-ай-ай! — закричали лыжники. — Что за злой старикашка!

И они поскорее побежали домой. А на крыльце Химик оглянулся и крикнул деду Морозу:

— Вот увидишь, мы сделаем снег сами и обойдёмся без тебя!

Ох, как рассердился дед Мороз! Он выпустил из мешка все ветры, какие там были, и так тряхнул ртуть в термометре, что она охнула и скатилась до тридцати градусов ниже нуля.

— Я вам покажу! — грозился дед Мороз. — Не будет у вас ни снегу, ни подарков на Новый год!

И дед Мороз решил наказать лыжников. Он уложил в чемодан и снег, и сосульки, и все ветры, кроме Южного, снял q белок зимние шубки и уехал.

— Какая ранняя весна в этом ‘году! — сказал Медведь в берлоге и зевнул. — Я совсем не выспался!

— Крак! Крак! — трещали и рассыпались ледяные стены дедова дворца.

— Крак! Крак! — отвечали им Льдины на реке, которые так спешили уплыть, что в толкотне ломали друг другу бока.

— Чивит! Чивит! — пели Птицы.

А Весна улыбалась, и белые подснежники сыпались из её розовых пальцев.

— Ну как, плачут лыжники? — спросил дед Мороз, когда Месяц навестил его в Арктике.

— Да нет, — ответил Месяц, — возятся что-то вокруг своего трамплина.

— А что они там делают?

— Какой-то искусственный снег.

— Глупости! — проворчал дед Мороз, но всё-таки забеспокоился, переоделся, чтобы его не узнали, сбрил бороду и отправился посмотреть, как обстоят дела.

Лето было уже в полном разгаре. Вокруг лыжной базы цвели белые розы, крупная земляника краснела на лесной опушке, а ртуть в термометре уже оправилась от встряски и показывала

теперь тридцать градусов выше нуля!

— Отвратительная погода! — сказал дед Мороз. — Взгляну на трамплин и поскорее уеду домой!

Но когда он подошёл к трамплину, то даже забыл о жаре, а глаза его от удивления стали совсем круглыми. Весь трамплин был покрыт сверкающим белым снегом, и лыжники в одних трусиках с весёлыми криками летели вниз.

— Ай-ай-ай! — ахнул дед Мороз. — Что же это такое делается?

— Ура! Ура! — закричали лыжники и окружили Химика, который, смеясь, утирал пот со лба, потому что только что поставил новый лыжный рекорд. Дед Мороз подошёл к нему.

— Скажите, пожалуйста, как называется этот чудесный снег, и почему он не тает при такой жаре?

— Он искусственный, — ответил Химик.

— Трамплин покрыт пластмассой, которую мы сами сделали. А называется она поливинилхлорид.

— Понятно, — протянул дед Мороз, хотя он ровно ничего не понял, потому что никогда не учил химии. Химик улыбнулся.

— Я тебя узнал, дедушка, хотя ты и побрился, — сказал он. — Не сердись на нас. Когда ты вернёшься, мы опять будем пользоваться твоим снегом. Сейчас и вправду слишком жарко!

— То-то! — обрадовался дед Мороз. — Ну ладно, так и быть. Катайтесь пока на этом!

И они расстались друзьями.

Через несколько месяцев, когда снова наступила зима и на деревьях повисли серебряные Сосульки, дед Мороз покрыл трамплин прекрасным снегом высшего сорта, чтобы лыжники сразу увидели, что он лучше искусственного. А Химик получил в подарок к Новому году самые лучшие лыжи, какие только бывают на свете!

Жил на свете один старый добрый Волшебник, который очень любил щи. Поэтому он засадил весь свой огород одной капустой. Волшебник полол и поливал грядки, рыхлил землю острой цапкой, и маленькие капустные всходы весело тянулись кверху. А мимо домика Волшебника каждое утро шли в школу мальчик и девочка.

— Здравствуйте! Как поживаете? — кричали они.

Волшебник сдвигал на лоб очки, выглядывал в окно и говорил:

Солнышко светит,
Дождик идёт,
Учатся дети.

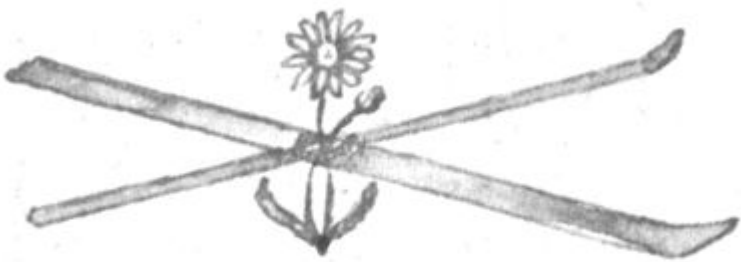
Капуста растёт!

— Очень приятно! — отвечали дети и шли дальше.

Однажды Волшебник заметил, что на некоторых листиках капусты появились дырочки.

— Кто мог это сделать? — удивился он и пошёл поскорее домой, чтобы справиться в Волшебной Книге. Но там ничего не было написано про дырочки.

«Странно, — подумал Волшебник, — неужели моя Книга устарела?»



Новые волшебники

На следующий день он встал пораньше, надел шапку-невидимку и пошёл в огород выяснять, кто делает дырочки в капусте.

О ужас! Он увидел, что по всходам прыгают тысячи маленьких блошек. Блошки ели молодые листики и пели:

Прыг да прыг,
Съедим вмиг!
Жуй, хватай,
Не зевай!

— Ай-ай-ай! — закричал старый Волшебник. А мимо как раз шли дети.

— Что случилось? — спросили они.

— У меня не будет щей! — горестно сказал Волшебник. — В моей Книге ничего не сказано про блошек!

Дети вошли в огород и посмотрели на грядки.

— Надо опылить капусту дустом! — воскликнул мальчик.

— А что такое дуст? Я этого не проходил, — ответил Волшебник.

Дети переглянулись.

— Эх, дедушка! — засмеялась девочка. — А ещё волшебник!

Не горюйте! Мы принесём вам дуста!

Вечером дети принесли целый пакет белого порошка и толстым слоем осыпали грядки так, что капуста из зелёной превратилась в белую. Теперь пришла очередь блошек кричать «ай-ай-ай», потому что все они пропали и не могли уже делать дырочки в капусте.

— Кто вас научил этому новому волшебству? — почтительно спросил Волшебник. — Вы, должно быть, необыкновенные дети!

Дети засмеялись.

— Нет, мы самые обыкновенные, — сказала девочка, — у нас даже тройки бывают. А научил нас учитель химии. Ну, будьте здоровы.

И они ушли. А на капусте выросли новые, молодые листочки. Их становилось всё больше и больше, они тянулись кверху и начали уже завиваться в кочан. Волшебник очень радовался. Он принялся делать красивые белые кадки, чтобы солить капусту, и был так этим занят, что несколько дней даже не заглядывал в огород.

— Здравствуйте! Как поживаете? — услышал он однажды и увидел мальчика и девочку. Они давно не проходили мимо, потому что в школе были каникулы.

Солнышко светит,
Дождик идёт,
Здравствуйте, дети,
Капуста растёт! —

весело ответил Волшебник. — Я буду всю зиму варить великолепные щи! — похвастался он. — Только злые волшебники и капризные дети не любят щей!

— А мы любим щи! — засмеялись дети и пошли в лес за грибами.

«Надо всё-таки проведать капусту», — подумал Волшебник и пошёл в огород. Ах, что он там увидел! По хорошеньким маленьким кочанам ползали отвратительные зелёные гусеницы. Они так жадно ели, что даже слышно было шуршанье: «ш-ш-ш…»

— Что это? Кто это? — в ужасе закричал Волшебник. — Вот я вас сейчас дустом!

Гусеницы подняли головы, посмотрели на Волшебника и запели:

Мы — зелёные бандиты,
Любим есть капусту,
И не будем мы убиты

Вашим глупым дустом!

Волшебник схватился за голову.

— Мало того, что вы портите мою капусту, вы ещё и сочиняете плохие стихи! — воскликнул он.

— А мы не поэты! — ответили гусеницы. — Как хотим, так и сочиняем!

И они запели другие стихи, ещё хуже прежних:

А когда мы наедимся
И немножко отдохнём,
Непременно превратимся
В белых бабочек потом!

Испуганный Волшебник со всех ног побежал в дом и схватил свою Книгу. Он листал её спереди назад и сзади наперёд, но нашёл только такие волшебные слова:

«Подобное надо лечить подобным…»

«Гм, — подумал Волшебник, — очевидно, тут нужно что-то зелёное. Но что?» И он отправился искать Учителя, который даже детей сумел научить, как спасти капусту.

— Не знаете ли вы какого-нибудь зелёного волшебства, чтобы убить гусениц? — спросил Волшебник. Учитель засмеялся.

— Знаю, — ответил он, — есть такая волшебница. Имя её — Зелень, фамилия — Парижская.

— У волшебниц не бывает фамилии, — возмутился Волшебник.

— У старых не бывает. Но ведь это новая волшебница.

И Учитель дал Волшебнику банку с ярко-зелёным порошком.

— Разболтайте порошок в воде и опрыскайте капусту, — сказал он.

Незнакомая волшебница оказалась очень могущественной. Все отвратительные зелёные гусеницы сразу попадали на землю животиками кверху. А осенью на капусте выросли такие большие, белые и тугие кочаны, что Волшебник всё ходил кругом и радовался.

— Здравствуйте! — крикнули мальчик и девочка, которые опять шли в школу, потому что каникулы кончились. — Учитель прислал вам подарок!

Волшебник надел очки и прочёл: «Учебник химии».

— Поблагодарите Учителя, — сказал он, — кажется, он прав. Одним старым волшебством теперь не проживёшь. Новые волшебники гораздо сильнее!

И всю зиму Волшебник ел великолепные щи и учил химию…

* * *

Ленивая картошка

Белые цветы на картофельном поле уже отцвели, и среди тёмнозелёной листвы появились гладкие, блестящие ягодки — семена. А глубоко внизу, в мягкой, тёплой земле, вокруг старой, сморщенной Картошки-мамы толпились её молодые дочки. У них были такие розовые щёки, что их называли «Северными Розами».

Не теснитесь так, — сказала Картошка-мама, — вы испортите себе кожу!

— А что делать? — проворчала самая младшая Картофелинка. — Нас слишком много для одной ямки — целых тридцать штук!

— Очень хорошо, что много! — гордо ответила Картошка-мама. — Значит, я недаром старалась. И вы все будете работать так же.

— Ну уж нет! — тихонько прошептала Картофелинка.

— Почему ты так говоришь? — укоризненно заметила её сестричка. — Ведь ты знаешь, что мы должны расти, когда нас посадят!

— Да ты посмотри на нашу маму! — сердито возразила Картофелинка. — Я совсем не хочу стать такой же сморщенной и некрасивой!

— Не говори глупостей! — прикрикнула Картошка-мама. — Картошка должна быть вкусной, когда её варят, и приносить много детей, если её сажают. Ей незачем думать о красоте. А так как ты из хорошей семьи, тебя, наверное, посадят, чтобы ты дала большой урожай.

— И когда это будет? — спросила Картофелинка.

— Через девять месяцев.

— Ой, как скоро! Я даже не успею отдохнуть!

— Успеешь. В погребе очень хорошо. Там темно и тихо, картошки ничего не делают, только дремлют или тихонько разговаривают.

«Это мне нравится, — подумала Картофелинка. — Поскорее бы попасть в погреб!»

До конца лета было ещё далеко, а «Северные Розы» уже созрели, потому что это был очень ранний сорт. Они сильно выросли, и в ямке уже совсем нельзя было шевельнуться — так там стало тесно!

— Безобразие! — ворчала Картофелинка. — Хорошо, что я уже скоро перееду в погреб!

Однажды утром на поле пришёл Агроном. Он взял лопату и — раз! — выдернул из земли все тридцать картошек. Ох, как светло было наверху! Солнце так и сияло! Картофелинка даже зажмурила свои маленькие глазки!

— Очень хороший сорт! Вот на нём и попробуем! — сказал Агроном. Он сложил картошки в корзинку и куда-то понёс.

— Поехали на новую квартиру! Будем отдыхать в погребе! — радовалась Картофелинка. Но Агроном поставил корзинку в большом светлом сарае, а сам ушёл.

— Что-то это совсем не похоже на погреб, — сказала Картофелинка.

— А э-это во-овсе и не по-погреб, — ответил кто-то. Рядом с корзинкой стоял большой чан, наполненный какой-то жидкостью.

— Ты кто? — спросила Картофелинка.

— Я — Тио-тио-мо-мочевина! Тиомо-мочевина! — заикался чан.

— Неужели ты не можешь не заикаться? — рассердилась Картофелинка.

— Не-не мо-мо-гу! — говорила Тиомочевина. — Мо-мои криста-тал-лы то-только что растворили, и мне хо-холодно!

«А ну её, — подумала Картофелинка, — лучше посплю!»

И она заснула. А на другое утро в сарай привезли ещё много картошки, и девушки стали складывать её в большие решетчатые ящики.

— Смотрите, чтобы в каждом было не больше, чем сто

килограммов! — сказал Агроном. Картофелинка тоже попала в ящик.

— Послушай, — обратилась она к чану, — ты ещё заикаешься?

— Нет, я уже согрелась! — весело ответила Тиомочевина.

— А что ты теперь будешь делать? Поедешь с нами в погреб?

— Никто не поедет ни в какой погреб! — загадочно сказала Тиомочевина.

Картофелинка очень удивилась, но больше ничего не успела спросить, потому что её ящик схватили, окунули в чан с раствором Тиомочевины и опять поставили на место.

«Брр! Холодновато! — подумала Картофелинка. — Но, конечно, перед отъездом нужно было принять ванну!»

И вдруг у неё зачесалась кожа. Картофелинка знала, что чесаться неприлично, и поэтому терпела, но кожа чесалась всё сильнее, а из всех глазков выглянули маленькие белые росточки.

— Я заболела! — испуганно закричала Картофелинка. — Ванна была слишком холодной! Позовите скорее доктора!

— Ты не заболела, а проросла! — ответила Тиомочевина. — Это я сделала!

— Зачем?

— А затем, что тебя посадят обратно в землю, и ты успеешь дать второй урожай в этом году!

И действительно, Картофелинку скоро посадили. Она не могла удержаться и начала расти, хотя ей совсем этого не хотелось. К осени у Картофелинки родилось не тридцать, а целых тридцать пять дочек. А сама она стала такой же старой и сморщенной, какой была когда-то её мама. Но зато теперь она поумнела.

— Не всякая картошка может дать два урожая в один год! — говорила Картофелинка дочкам. — Это только наша семья такая способная!

А про Тиомочевину она совсем забыла….

Старая калоша

На заднем дворе стоял металлический бак с плотно прикрытой Крышкой. А в баке лежал мусор, который выносили из квартир жильцы.

— Как здесь тесно! — проворчала Арбузная Корка. Её выбросили совсем недавно, и она ещё не привыкла к своему положению. И вдруг прямо на неё упала рваная Калоша.

— Осторожнее! — возмутилась Арбузная Корка, — вы испачкаете мои полоски!

— Хлоп-хлоп! — закрылась Крышка, и в баке стало темно. Калоша вздохнула.

— Вы-то о чём вздыхаете? — спросила Арбузная Корка.

— Я уже очень стара, — ответила Калоша, — больше сорока лет я пролежала на чердаке. Меня выбросили туда и забыли. А до этого мне пришлось всю жизнь ходить по лужам, и мои подошвы болят от ревматизма.

— Немного же вы видели в жизни, — насмешливо сказала Корка.

— Я видела так много, что ты даже и представить себе этого не можешь.

— Ну, тогда расскажите что-нибудь интересное.

Калоша задумалась…

— Я родилась далеко-далеко отсюда, — начала она, — там, где вечное лето царит в жарких и душных тропических лесах.

Тёплый дождь падает на зелёные листья, и длинные корни лениво потягиваются в мягкой земле. Фестоны лиан перебрасываются с ветки на ветку, и большие синие бабочки задевают крыльями пышные метёлки цветов на деревьях, высоких, как десятиэтажный дом. Европейцы называют эти деревья гевеями. А местные жители прозвали их «кау-чу» — «плачущее дерево».

— Разве деревья плачут? — недоверчиво спросила Арбузная Корка.

— Плачут, когда им делают больно. Острые ножи людей срезают со ствола гевеи тонкие полоски коры, чтобы собрать белый сок, который течёт из раны. Вот в одной гевее родилась и я…

— Калоши не растут на деревьях! — фыркнула Арбузная Корка.

— Нет, конечно. Но, чтобы их сделать, нужен сок гевеи.

— Мне кажется, вы всё это выдумали! — заявила Арбузная Корка.

Старая Калоша обиделась и замолчала. Ведь она говорила чистую правду. Хотя она почти забыла о тех далёких временах, но сейчас снова вспомнила всё, что ей пришлось пережить… Белый млечный сок собрали в большую посудину и влили в него уксусной кислоты. Это было очень неприятно, так неприятно, что сок свернулся, совсем как молоко. Тогда его промыли водой, прокатали на вальцах, и вышли большие белые листы, которые засунули в камеры, полные дыма. Ох, как там было трудно Дышать! Но зато листы окрасились в красивый янтарный цвет и получили имя «копчёный лист». А потом их погрузили на большой корабль, и они поплыли через океан…

— Какой груз вы привезли? — спросили в порту.

— Каучук, — ответил капитан, и грузчики начали выносить листы из трюма.

— Почему вы замолчали? — спросила Арбузная Корка. — Мне скучно!

Но Старая Калоша не ответила. Она вспомнила, как на заводе принялись за обработку каучука. Его тёрли, мешали, прибавляли к нему самые разные вещи. Одни должны были сделать его мягче, другие — твёрже, третьи — гибче, четвёртые — крепче. И опять его тёрли и мешали, пока не получилась резина. Она была уже не янтарная, а совсем чёрная, потому что в неё положили сажу.

— Хлоп-хлоп! — крикнула Крышка, и в бак заглянул Дворник.

— Пора вывезти мусор! — сказал он.

— Наконец-то! — воскликнула Арбузная Корка. — Теперь я получу отдельную квартиру.

— Каждый получит то, что заслуживает! — загадочно ответила Крышка и захлопнулась. Она любила выражаться непонятно.

Старой Калоше было всё равно, куда она попадёт. Она устала, её рваная подошва ныла от ревматизма. А ведь раньше она была крепкой и красивой. Ей вспомнилось, как наложили резину на каркас из материй, как сунули под тяжёлый пресс — и ровно через пять секунд получилась новенькая чёрная калоша. А когда её отлакировали и она заблестела, как зеркало, в неё вклеили яркую красную подкладку и отправили в магазин. И долго потом она верно служила своему хозяину, спасая от сырости его ноги…

— Хорошее было время, — вздохнула Старая Калоша, — но ведь оно уже не вернётся! Теперь всё по-другому. Даже каучук для галош не привозят больше из далёких жарких стран. Его просто делают из этилового спирта и называют синтетическим.

— Стой, стой! — проскрипели Тормоза, и около бака остановилась большая чёрная машина. Двое рабочих выйалили в неё мусор из бака, но при этом уронили на асфальт Арбузную Корку и Старую Калошу, которые лежали на самом верху.

— А этих куда же? — спросил Дворник.

— Калошу в утиль, — ответил рабочий, — её переработают и сделают хорошую, новую вещь.

— А корку?

— Корку в совхоз. Пусть её съедят свиньи.

И машина уехала.

Старая Калоша так обрадовалась, что даже помолодела, и её потускневшая красная подкладка вспыхнула ярким румянцем.

— Я думала, что мне осталось только гнить на свалке, — сказала она, — а оказалось, что я опять буду полезной!

Арбузная Корка молчала. Она завидовала Старой Калоше. Ведь приятнее приносить пользу людям, а не свиньям.

— Хлоп-хлоп, — засмеялась Крышка, — каждый получил то, что заслужил. Я знала, чем это кончится!

И в самом деле, кто же лучше Крышки бака мог бы знать, чем всё кончается для мусора?

AE-1141

Важный мыльный пузырь

В лесу над рекой горел костёр, а вокруг него был насыпан песок, потому что пионеры знали противопожарные правила. Огонь жадно поглядывал на кусты и деревья, но достать их не мог, и ему ничего больше не оставалось, как лизать котелок, в котором варилась каша. Котелок так закоптился, что стал совсем чёрным и от злости плевался кашей — больше-то у него ничего не было. Жирные капельки с шипением выпрыгивали в огонь, а одна не долетела и уселась на чёрной стенке котелка.

— Здравствуйте! — сказала она.

— Добро пожаловать! — ответил ей кто-то. — Как тебя зовут?

— Я — Жиринка. А ты кто?

— Я — Сажинка.

— Ты всегда здесь живёшь?

— Нет, временно. Когда смогу, переоденусь на чью-нибудь белую рубашку. Так приятно сидеть на чистом! Кроме того, белый цвет мне к лицу, ведь я брюнетка. А здесь меня совсем и не видно!

— Возьми меня с собой!

— Хорошо, поедем. Надо только подождать, пока подвернётся подходящий случай.

И тут к костру подошли дежурные, которые ходили, собирать хворост.

— Фу, какая грязная кастрюля! — сказал Володя.

— Это не кастрюля, а котелок, — ответила Валя. — Сразу видно, что ты первый раз в походе. Сейчас я почищу картошку, а ты мешай кашу, чтобы она не пригорела.

— Да я не умею!

— Надо учиться. Ты же дежурный! Только смотри не испачкайся!

Володя неохотно взял ложку и с опаской подошёл к костру.

— Внимание, — прошептала Сажинка, — это как раз то, что нам нужно. К прыжку готовсь! Раз, два!

И Сажинка с Жиринкой перепрыгнули с котелка прямо на рукав Володиной рубашки.

— Ай! — закричал Володя. — Смотри, какая гадость!

— Ну и дежурный! — вздохнула Валя. — Да ты маме когда-нибудь помогаешь?

— Маме? Нет, она всё делает сама.

— Оно и видно. Никакой от тебя нет пользы. Ступай к речке, отмой рукав, я и одна справлюсь.

Володя побежал к реке, снял с себя рубашку и начал изо всех сил тереть пятно водой.

— Ха-ха-ха! — покатывались со смеху Сажинка и Жиринка. — Вот глупый мальчишка! Не знает, что мы в воде не растворяемся!

— Не смывается! — задумчиво протянул Володя.

— И не смоется! — хохотали Сажинка и Жиринка. — Ведь мы воду к себе не подпускаем, она только вокруг нас ходит, а мы сидим, как на островке. Три хоть до завтра, всё равно не уйдём!

— Пуф! — сказал кто-то. — Я бы вам показал!

На берегу лежала мыльница с куском мыла, а в ней сидел толстый, важный Мыльный Пузырь. Он был очень горд, потому что переливался разными цветами и считал себя родственником Радуги.

— Вот ещё! — дерзко ответила Сажцнка. — У тебя и середины-то нет, одни наружные стенки. Только тронь — и лопнешь!

— Как ты смеешь мне грубить?! — рассердился Мыльный Пузырь. — Разве ты не видишь, что я главный над всем мылом?

— Что это такое — мыло? — спросила Жиринка.

— Скоро узнаешь, — проворчал Пузырь и надулся ещё сильнее. А Володя взял мокрую рубашку и пошёл обратно к костру.

— Ты и пятна не можешь отмыть? — засмеялась Валя.

— Так оно не отмывается. Я же никогда не стирал.

— Не выйдет из тебя туриста. Давай сюда! — и Валя побежала с рубашкой к реке.

— Теперь мы вам покажем! — крикнул Пузырь, когда Валя взяла мыло. Он взлетел наверх и стал оттуда командовать:

— Раз, два — взяли! Раз, два — взяли!

Но, конечно, на него никто не обращал внимания. Маленькие

частички мыла сами отлично знали, что им нужно делать, и сейчас же принялись за работу. Быстро-быстро они начали строить со всех сторон мостики к тем островкам на рубашке, где засели Сажинка и Жиринка. По мостикам вместе с мылом побежала вода, окружила врагов и потянула их за собой.

— Ай-ай-ай, — кричали Сажинка и Жиринка, — тонем, тонем!

А Валя всё тёрла рубашку мылом, и храбрых частичек становилось всё больше.

— Буль-буль-буль! — успели ещё только сказать Сажинка с Жиринкой и скатились в реку. Валя отжала рубашку и ушла.

— Вот так-то! — засмеялся Мыльный Пузырь.

— А ты здесь при чём? — спросила Ветка, которая всё видела.

— Как при чём? Ведь я главный над мылом, да к тому же ещё в родстве с Радугой!

И Пузырь так раздулся от важности, что стал совсем малиновым.

— Сейчас мы увидим, какой ты главный! — усмехнулась Ветка и подставила ему сучком подножку. Пузырь сразу лопнул, а на сучке даже ничего не осталось, кроме маленького мокрого пятнышка.

— Вот так-то! — сказала Ветка, — Где теперь вся его красота?

А всё потому, что у него совсем не было середины — одни только наружные стенки…

Последний король

Арбуз считался королём овощей, потому что был самым большим, да к тому же ещё и полосатым, не хуже тигра. Правда, ходили слухи, что он состоит почти из одной воды с сахаром, но для королей этого вполне достаточно. Ведь им не надо н-и думать, ни работать.

— Послушай, — сказала однажды королю королева Дыня, — нам нужно назначить первого министра. У каждого короля обязательно бывает первый министр.

— Зачем? — удивился король.

— Чтобы думать. Не можем же мы заниматься этим сами!

— Ладно. А кого мы назначим?

— Того, кто принесёт нам самые лучшие овощи. Как раз на той неделе твой день рождения. Устроим бал и будем принимать подарки.

Королю это понравилось. Королева иногда давала хорошие советы, потому что в ней воды было всё-таки чуть-чуть поменьше, чем в короле. И в тот же день по всему королевству поскакали гонцы-семечки, чтобы пригласить подданных на бал **в** королевский дворец и объявить о выборе первого министра.

Все овощи заволновались. Ведь каждый считал именно себя самым подходящим для этой должности, но как можно было сказать, что подумает король, если он вообще не умеет думать?

В назначенный день во дворец приехало множество нарядных гостей. Капуста надела целых семьдесят одёжек, и хотя все они были без застёжек, но всё-таки их было семьдесят, а это что-

нибудь да значит. Не всякий может позволить себе такую роскошь. Морковка разоделась в прекрасное платье самого настоящего морковного цвета, а Тыква выбрала светло-жёлтое, потому что она была в родстве с королевой и хотела, чтобы все видели это с первого взгляда. Её двоюродный брат Кабачок тоже считался родственником королевской фамилии, но нелюбил излишней пышности и ограничился скромным бело-зелёным костюмом. Зато камзол Помидора прямо ослеплял своим ярким красным цветом, и кругленькие розовые Редиски не могли отвести от него глаз, хотя их длинные белые сёстры тихонько шептали друг другу, что Кабачок гораздо интереснее. А Картошка одела всех своих дочек по-разному. Одна была в белом, другая в розовом, третья щеголяла в красном, только, конечно, не таком ярком, как у Помидора, а четвёртая явилась даже в тёмно-лиловом, и Свёкла недовольно косилась на неё. Правда, у всех гостей платья были перепачканы, но на это никто не обращал внимания.

Очень трудно сохранить одежду в чистоте, если живёшь на мокрой грядке или даже под землёй!

— Король идёт! Король идёт! — закричали Семечки и выстроились в два ряда перед дверью в королевские покои. На стенах загорелись Светлячки, специально приглашённые Кузнечики громко заиграли торжественный марш, дверь распахнулась, и король Арбуз под руку с королевой Дыней вышли к гостям. Ах, как они были красивы! Полоски Арбуза казались почти что чёрными на светло-зелёном фоне, а ярко-жёлтое платье Дыни вполне можно было принять за настоящее золото!

— Здравствуйте, подданные! — сказал король. — Показывайте скорее подарки!

И король с королевой уселись на трон посреди комнаты.

— Вот, пожалуйста, ваше величество, — первой подошла Капуста, — считайте, сколько одёжек я сумела накопить!

Но короли не умеют считать до семидесяти, это для них слишком много, и Арбуз скоро сбился, хотя Дыня ему и помогала.

— Неважно, — заявил он, — я вижу, что ты действительно очень толстая. Становись в первый сорт, с правой стороны трона!

— Подходите скорее, — шепнула дочкам Картошка, — да постарайтесь встать поближе к светлячку, чтобы ваши платья были лучше видны!

Картошкины дочки так заторопились, что стали толкать друг друга, а одна даже упала.

— Фу! — нахмурилась королева. — Они не умеют себя вести в королевском дворце. Кроме того, первый министр не должен иметь такую большую семью, иначе он начнёт воровать

удобрения!

И Картошке пришлось отойти влево, хотя она была полезнее и сыт-нее Капусты. Но короли всегда плохо знают своих подданных.

— Мы приветствуем ваше величество! — пропели тонкими голосками Редиски и сделали глубокий, придворный, реверанс.

— Они очень милы! — прошептал Арбуз Дыне.

— Ах, вот как — милы! — рассердилась королева. — Так пусть встанут налево. Милой ты должен называть только меня!

— Здравствуйте, братец, — лениво протянул Кабачок, — не хотите ли назначить меня первым министром?

— Не хочу, — ответил Арбуз, — родственников лучше держать подальше от трона. Чего доброго, ты вздумаешь сесть на моё место!

Кабачок пожал плечами и отошёл, а Тыква, услышав королевские слова, сама отправилась во второй сорт. Ведь она тоже была родственницей. А к трону подошла Морковка.

— Где ты достала такое красивое морковное платье? — спросила королева.

— О, у меня их сколько угодно, — похвасталась Морковка, — к тому же я ещё и сладкая, а в моих сундуках полно витамина А!

— Я ещё слаще! — вмешалась Свёкла. — Из меня даже делают сахар!

И так как Дыня очень любила сладкое, Свёклу и Морковку зачислили в первый сорт. Во дворце требовалось множество сахару.

— Мне нет надобности хвастаться, — гордо сказал Помидор, — всякий и так видит, кто я такой!

И его красные щёки так надулись от важности, что король испугался.

— Осторожнее, ты можешь лопнуть! — закричал он. — Но, знаешь ли, ты слишком уж красный, чтобы быть первым министром при дворе зелёного короля!

— Зато я как раз в цвет! — подскочил Огурец. — Сейчас я представлю вашему величеству такие разные оттенки, что вам останется только выбрать самый подходящий!

И он стал подводить к трону всех своих кандидатов. Ярко-зелёный Нежинский огурчик был небольшим, но крепким, и лучше всех получался в маринаде, Вязниковский щеголял тёмными пупырышками, Неросимый умел сохранять свой цвет даже в самом солёном рассоле, Кавказский вырастал таким длинным, что к обеду вполне могло хватить одной штуки, а маленький, светленький и кругленький, как бочоночек, Муромский созревал раньше всех.

— Ну что ж, — сказал Арбуз, — они очень недурны. А кто это там, в углу?

— А я и сам не знаю, — пожал плечами Огурец, — я его никогда раньше не видел, хотя он несомненно из нашей семьи.

— Подойди сюда! — приказал король, и к трону не спеша подошёл крупный, красивый тёмно-зелёный Огурец в совершенно чистом платье.

— Кто ты такой? — спросил Арбуз.

— Меня зовут Гидропоник, — ответил незнакомец:

— Королям нужно говорить «ваше величество», — заметила королева.

— Это устарело, — спокойно возразил Гидропоник, — теперь никто так не говорит.

— Ах, вот как? — рассердился Арбуз. — Ты, я вижу, опасная личность! А почему на твоём платье нет ни одного пятна? Ты, наверное, смыл землю?

— Нет, — улыбнулся Гидропоник, — просто я никогда не имел дела с землёй.

— Не смей лгать королю! Все овощи растут в земле!

— Вовсе нет. Вы, очевидно, не в курсе дела. Земля для овощей так же устарела, как королевский титул.

— Что он говорит? Что он говорит? — изумлённо зашептали овощи. — Пусть расскажет подробно!

— Ну, рассказывай! — сердито сказал король.

— Видите ли, огурцам нужна не земля, а разные питательные вещи, которые растворены в воде. Земля, в общем, только мешает. Теперь наполняют бетонные лотки чистыми мелкими камешками, прикрывают их щитами с дырками и в каждую дырку сажают по одному огуречному семечку. А в воду, которой их поливают, кладут всё, что нужно для того, чтобы они были сыты и быстро росли. И огурцы получаются нисколько не хуже тех, что выросли на грядке…

— Вот так история… — протянул Помидор.

— Кстати, — улыбнулся Гидропоник, — помидоры уже тоже так выращивают!

— Знаете что? — сказал вдруг Кабачок. — Гидропоника нужно сделать королём вместо Арбуза. Он такой современный!

— Правильно! Правильно! — подхватили все овощи.

— Змея! — закричал Кабачку Арбуз, — Я недаром опасался родственников!

— Ты согласен? — спросил Кабачок у Гидропоника.

— Нет, конечно, — засмеялся тот. — А зачем вам вообще король?

— То есть как — зачем? — изумились овощи.

— Да очень просто. Короли ни на что не годны. Это у вас они сохранились потому, что вы растёте в земле. А земля ведь уже очень старая, она помнит, что раньше были короли, и вас так воспитывает.

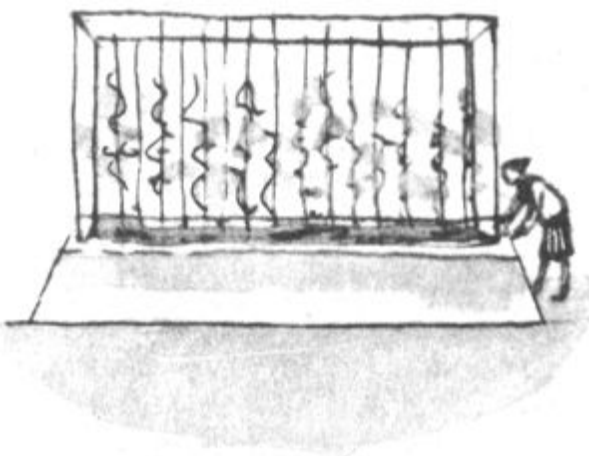
— Что же нам делать?

— Будьте все равны между собой и растите как можно лучше, вот и всё.

И овощам так это понравилось, что они тут же скинули с трона короля и королеву, а Светлячки и Кузнечики ужасно перепугались и поскорее побежали обратно в лес, чтобы рассказать дворцовые новости.

— Теперь-то уж никто не займёт твоего места, последний король! — засмеялся Кабачок и шлёпнул Арбуза по самой красивой полоске. — Иди работай! Спасибо Гидропонику! Ура!

— Ура! — закричали овощи и разошлись по своим грядкам, чтобы расти как можно лучше.



Голубоглазый мальчик

— Какие у тебя красивые голубые глаза! — сказал Ветерок и ласково покачал стройные стебельки. Он был ещё совсем молодой, и ему хотелось поиграть.

— Все так говорят! — ответил Лён и сейчас же раскрыл свои цветочки так широко, как только мог. Всё поле стало нежно-голубым, словно в нём отразилось небо.

— Лён — красивый мальчик, — вмешалась Гречиха, которая росла неподалёку, — но он слишком о себе воображает. Даже не хочет ни с кем дружить. Правда, Пшеница?

Скромная Пшеница молча кивнула своей золотой головкой. Голубоглазый Лён нравился ей, но он был такой важный и совсем не обращал на неё внимания.

— Вы не годитесь мне в друзья, — гордо возразил Лён, — я даю людям прекрасное полотно, а вы — только кашу да булки!

— Каша и булки тоже нужны, — засмеялся Ветерок, — а твоим полотном люди не всегда довольны.

— Неправда!

— Нет, правда. Я кое-что слышал об этом.

— Тебе не следует быть таким гордым, — тихо сказала Пшеница.

Лён ничего не успел ответить, потому что на поле пришли две девушки — Катя и Маша.

— Ах, какие прелестные голубые цветочки! — воскликнула Катя. — Ведь это тот самый лён, из которого шьют красивые платья?

— Красивые-то красивые, — покачала головой Маша, — но они сразу мнутся. Это большой недостаток льна.

— А нельзя ли сделать так, чтобы он не мялся?

— Для этого нужно его с чем-нибудь соединить. Мы как раз сейчас над этим работаем. Когда твой день рождения?

— Весной.

— Ну вот, ко дню рождения я подарю тебе платье из новой, немнущейся материи!

И девушки прошли дальше.

— Слыхал? — спросил Ветерок.

— Глупости, — сердито ответил Лён, — эти девчонки ничего не понимают. Люди носят моё полотно уже почти пять тысяч лет. Они начали делать его ещё тогда, когда одевались в звериные шкуры!

— А теперь больше не хотят!

— Ну, а я не хочу больше с тобой разговаривать! — резко сказал Лён и закрыл все свои цветы. Он был вежливым, только когда его хвалили.

— Фу, какой ты грубый! — тряхнула своими красными метёлочками Гречиха.

— Подумаешь! — буркнул Лён.

Ветерок засмеялся и улетел к Розам, которые всегда разговаривали вежливо. Правда, тех, кто хотел их сорвать, они кололи шипами, но ведь нужно же им было защищаться!

Лето прошло. Все выросли и очень изменились. Ветерок стал взрослым Ветром, и характер у него испортился, потому что цветы его совсем избаловали. Он больно дёргал Пшеницу за её золотые косы, разбрасывал тяжёлые зёрна Гречихи и так швырял на землю краснощёкие яблоки, что у них делались синяки и они начинали гнить. Никто не мог справиться с разбойником-Ветром, и люди решили всё убрать.

— Пусть безобразничает на пустых полях! — сказали они.

Пшеницу сжали и смололи, чтобы печь из душистой муки пышные булки, из Гречихи получилась прекрасная крупа, а Лён долго мочили, мяли, трепали и чесали. Это было не очень-то приятно, но Лён знал, что иначе нельзя сделать красивое полотно, и поэтому терпел. А потом его увезли в город, и там он снова встретился с Машей.

— Здравствуй, голубоглазый мальчик, — сказала она, — теперь у тебя будет новый друг!

— Кто это? — надменно спросил Лён. Он так сильно

воображал, что не со всяким соглашался знакомиться.

— Меня зовут Лавсан, — ответил новый знакомый, — я очень рад тебя видеть.

— Что-то я никогда про тебя не слыхал! На каком поле ты вырос?

— Я вообще не рос. Меня сделали.

— Как сделали?

— Так. Мой дедушка — Каменный Уголь, бабушка — Нефть, а маму звали Фильерой. Она пропускала густую вязкую кашу через самое мелкое ситечко, какое только может быть, и получались тоненькие нитки.

— Фу, — засмеялся Лён, — вот так семейство! Нет, ты мне не пара. Ведь я вырос на зелёном поле, играл с Ветерком, а моё полотно люди носят уже почти пять тысяч лет!

Маша очень рассердилась.

— Не воображай, пожалуйста, — сказала она, — все пять тысяч лет твоё полотно мялось. А Лавсан поможет тебе стать немнущимся!

— Вот ещё! — фыркнул Лён. — Очень нужно!

Но никто не стал обращать на него внимания. Лён и Лавсан окрасили, потом смешали и сделали из них прекрасное полотно, которое не только не мялось, но даже и не садилось после стирки, и было оно красивого голубого цвета.

— Это в честь твоих цветочков, — засмеялась Маша. — Теперь ты доволен?

Но Лён промолчал. Он уже понял, что вёл себя совсем глупо. Маша взяла кусок голубого полотна и пошла поздравлять Катю с днём рождения.

— Вот тебе на платье, — сказала она. — Это полотно не мнётся и не садится. Теперь у голубоглазого мальчика нет больше никаких недостатков.

— Спасибо! — обрадовалась Катя и сейчас же принялась шить.

2-4-Д

— Какая я красивая! — хвалилась Лебеда. — У меня такие зелёные листья.

— А я-то! — ответил Вьюнок. — Знаешь, какие у меня будут цветы? Настоящие колокольчики, да не простые, синие, а розовые. — И Вьюнок быстро обкрутился вокруг Лебеды.

— Ай-ай! Перестань! Ты меня задушишь! — крикнула Лебеда. Но Вьюнок только смеялся.

— Не ссорьтесь! — сказала спокойная Гречишка. — Мы все красивые, потому что у нас широкие листья. Как глупо, что нас называют сорняками. А зачем тут эта тощая мелочь?

И Гречишка презрительно посмотрела на слабенькие, бледные ростки пшеницы.

Пшенице было очень трудно. Сорняки выпивали всю воду, которую давали дожди, съедали всю пищу, заботливо положенную в землю людьми. Широкие листья бездельников закрывали солнце, а толстые, длинные корни теснили ещё неокрепшие корешки бедных маленьких посточков.

— Но ведь я полезная, — робко сказала Пшеница, — из моих зёрен можно сделать муку и испечь хлеб…

— Ха-ха-ха! — засмеялись все сорняки. — У тебя не будет никаких зёрен. Мы задушим тебя раньше, чем ты вырастешь!

Лебеда даёт двести тысяч семян в год. А ты сколько?

Пшеница тихо заплакала. Она и сама знала, что не сможет справиться с врагами. Видно, не придётся ей стать большой и развернуть золотые колосья на радость людям…

А на меже около поля, под большой придорожной берёзой, сидела Таня и всё слышала. Маленькие дети иногда понимают язык, на котором говорят растения, но потом они его забывают.

— Ах вы, противные забияки! — крикнула она сорнякам. — Вот подождите, мы выполем вас!

Сорняки так и покатились со смеху:

— Глупая девчонка, что вы можете сделать? Видишь, сколько нас? У вас и людей не хватит. Нет уж, это поле будет наше!

— Помоги мне, Таня, помоги! — сквозь слёзы прошептала Пшеница.

Таня шла домой и всё думала: как быть? Ей представлялось, как корчатся, шипят злые сорняки, как бессильно поникают они к земле, а пшеница растёт всё выше и выше, наливаются и покачиваются на ветру её золотые головки… Таня так задумалась, что чуть не попала под машину. Завизжали тормоза, выскочил сердитый дяденька и крепко потряс Таню за плечи.

— Ты чего зеваешь? Жизнь надоела?

— Пшеницу жалко… — всхлипнула Таня.

Дяденька удивился, посмотрел на Таню, потом на поле и нахмурился.

— Н-да. сказал он.

— Можно этому помочь? — спросила Таня.

— Можно-то можно. Есть такое средство, что сорнякам будет смерть, а пшенице ничего.

— Почему?

— А потому, что у пшеницы листики намазаны вроде как воском, с них весь яд скатится. Только мне сейчас некогда. Есть у тебя бумага?

— Нет у меня бумаги.

— Так вот, нужны гербициды избирательного действия.

Таня нахмурилась. И отчего взрослые так любят говорить непонятно? Дяденька засмеялся.

— Да, это не по тебе. Ну, тогда запомни так: 2-4-Д. Скажи председателю колхоза, пусть срочно едет к лётчикам. Будь здорова!

И машина уехала, обдав Таню пылью. Таня чихнула, пошла и всю дорогу повторяла волшебные слова: «два-четыре-де, два-четыре-де, два-четыре-де». И ничего не понимала. Она-то не понимала, а председатель, наверно, понял, потому что очень обрадовался и уехал в город.

Прошло несколько дней. Таня каждый день ходила в поле. Сорняки всё росли, толстели и хвастались, а пшеницу уже не видно было за их широкими листьями.

— Эй, девчонка, — кричала Тане Лебеда, что же ты нас не полешь?!

— Руки коротки! — смеялся Вьюнок. — Где ей с нами справиться!

Однажды в небе показался самолёт. Он спускался всё ниже и ниже.

Таня спряталась за свою любимую берёзу и увидела, как из самолёта пошёл дождь — прямо на поле. Потом самолёт покружился несколько раз и улетел.

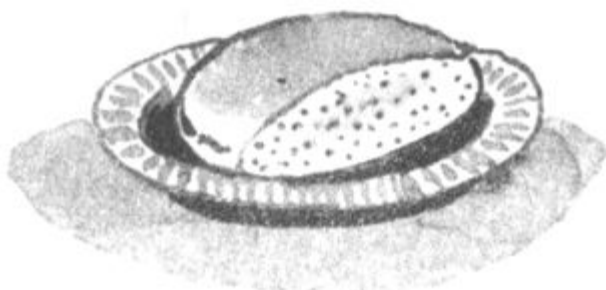
И вдруг зашипели, закорчились злые сорняки, совсем так, как представлялось когда-то Тане. Они бессильно поникли к земле, широкие зелёные листья съёжились, потемнели.

— Ох, ох! — стонали сорняки. — Конец наш пришёл! Ох, ох! — И над поникшими сорняками, ещё несмело, неуверенно, поднимались бледные стебельки пшеницы.

— Спасибо, Таня, спасибо! — шелестели они, — Теперь мы вырастем, заколосимся, принесём золотые зёрна, и твоя мама испечёт из свежей, душистой муки круглый, румяный хлеб…

А Таня бегом бежала домой и всю дорогу пела:

— Два-четыре-де! Два-четыре-де!



Умные молекулы

В кухне было жарко и душно. От кастрюли, которая кипела на плите, клубами поднимался пар, в корыте стояла шапка мыльной пены, а мама изо всех сил тёрла Славину рубашку.

— Скоро ты кончишь, мама? — спросил Слава. — Ведь ты обещала пойти со мной в зоопарк!

— Я и сама устала, — ответила мама и, ополоснув, руку под краном, утёрла вспотевшее лицо, — но что же делать, если ты так ужасно пачкаешь свои рубашки, что их никакое мыло не берёт!

— Так ведь я не виноват!

— Как сказать! Откуда, например, эти жирные пятна?

Слава сразу вспомнил пирожок, который купил в школьном буфете. Звонок на урок, как всегда, раздался слишком рано, идти в умывальную было некогда, и Слава быстро вытер руку рубашкой, потому что платок он, конечно, забыл дома. Но рассказывать об этом ему не захотелось. Таких вещей мама не понимала.

— Я не нарочно, — пробурчал он.

— И я не нарочно, — засмеялась мама. — Ты думаешь, мне приятно столько времени тереть? И рубашка портится, и руки! — и мама показала Славе опухшие, красные пальцы.

— Выходит, в зоопарк мы не пойдём?

— Выходит, так.

Слава надулся, ушёл из кухни и стал думать, как сделать,

чтобы мама меньше времени тратила на стирку.

— Глупое мыло, — вздохнул он, — почему оно не может стирать как следует?

Вдруг на полке что-то завозилось, застучало — и прямо перед Славой хлопнулся на стол большой кусок мыла.

— Это ты — глупый мальчишка! — сердито сказало Мыло. — Да к тому же ещё и неблагодарный!

— Прости, пожалуйста, — испугался Слава, — я не знал, что ты умеешь говорить.

— Все вещи умеют говорить, когда хотят. Но дело вовсе не в этом. Почему ты бранишь мыло за то, в чём сам виноват?

— Так ведь мама сказала, что мыло мою рубашку не берёт!

— И не возьмёт, если ты будешь вытирать рубашкой жирные руки. А я делаю только то, что могу. В солёной воде я не мылюсь, в жёсткой — тоже. И жирные пятна мне отмывать очень трудно, приходится сильно тереть.

— Почему?

— Потому что я сам сделан из жирной кислоты! — сердито крикнул Кусок Мыла и прыгнул обратно на полку. — Фу, какая тут жара, — проворчал он оттуда, — пора уже положить меня в другое место. Я так высох, что начинаю трескаться!

К вечеру мама кончила стирку и ушла работать в ночную смену.

А Слава сделал уроки, выпил молока и решил посмотреть телевизор.

— Смотрите передачу «Химия в быту», — сказал диктор.

— Скука какая! — зевнул Слава и выключил телевизор.

Экран потемнел, только в самой середине осталось блестящее пятнышко. Оно всегда появлялось на секунду и быстро гасло. Но сегодня почему-то пятнышко становилось всё ярче, потом стало расти и превратилось в маленького старичка с большой белой бородой.

Старичок подмигнул Славе, взялся рукой за раму экрана и прыгнул в комнату. Слава попятился.

— Кто вы такой? — испуганно спросил он.

— Я, конечно, волшебник, — ответил старичок, — ты бы и сам мог догадаться. Только волшебники умеют вылезать из телевизора. А зовут меня Чистомой. Что это у тебя вышло с Куском Мыла?

— Он ругал меня за то, что я его ругал.

— Напрасно ты обидел старика. Нужно было просто взять другое, новое средство.

— Какое?

— Смотри-ка сюда?

Чистомой поднял руку и достал прямо из воздуха стеклянную баночку, на которой было написано: ОП-10.

— Ловко сделано! — восхищённо сказал Слава.

— Ну, что ты, это для меня совершенные пустяки! — скромно улыбнулся Чистомой.

— А что такое ОП-десять?

— На волшебном языке это значит: «Отмывает пятна в десять раз лучше всякого мыла».

— Вот здорово! — обрадовался Слава. — Давайте попробуем!

Ни одной грязной рубашки в доме не осталось, а ту, что была на нём, Слава ещё не успел как следует запачкать. Поэтому они решили для опыта капнуть постным маслом на носовой платок, тем более что платок всё равно уже был не так чтобы очень чистый.

Чистомой открыл баночку, достал немножко жёлтой пасты, размешал её в тёплой воде и бросил в воду грязный платок.

— Вот тебе волшебная лупа, — сказал Чистбмой и дал Славе половину мыльного пузыря, вставленную в рамку, — через неё ты сможешь увидеть, что делается в тазу.

Слава посмотрел через волшебную лупу и увидел, что в воде быстро бегают какие-то маленькие штучки.

— Кто это? — спросил он.

— Это мои Умные Частички, — ответил Чистомой, — они ищут пятно. Возьмите немножко правее! — крикнул он.

Частички побежали в тот угол, на который Слава капнул маслом, окружили пятно и попробовали стащить его с места, но пятно упиралось. Тогда одни Умные Частички разломали его на кусочки и подняли эти кусочки вверх, а другие выстроились на том месте, где сидело пятно, чтобы оно не могло сесть обратно.

Кусочки пятна увидели, что им уже ничего не сделать, и сдались. Умные Частички сбросили их в воду и выплеснули через край таза.

— Молодцы! — похвалил Чистомой, выполоскал несколько раз платок и показал Славе.

— Никогда в жизни он не был таким белым! — засмеялся Слава. — Спасибо, Чистомой!

— Выполощи ещё раза два, чтобы на платке не осталось ни одной Умной Частички, — сказал Чистомой. — Кстати, они называются молекулами. Ну, мне пора, иначе я опоздаю! До свиданья!

Чистомой бегом побежал к телевизору, включил его, прыгнул на тёмный экран и исчез. Когда телевизор нагрелся, Слава услышал голос диктора:

— Вы смотрели передачу о новых моющих средствах!

И на экране появилась баночка с надписью: «ОП-10».

Слава выполоскал платок и пошёл показать его Куску Мыла.

— Смотри, — сказал он, — Умные Молекулы смыли пятно!

— Каждый делает, что может, — вздохнул Кусок Мыла. — Я, во всяком случае, всегда поступал так. А ты?

Слава смутился. Конечно, он мог, например, не вытирать жирные руки рубашкой, чтобы не заставлять маму мучиться со стиркой. Да и ещё много кое-чего найдётся, если подумать. Можно не уходить на каток, пока не выучишь всех уроков, можно помогать маме мыть посуду, можно самому пришивать пуговицы…

— Молчишь? — злорадно спросил Кусок Мыла. — Вот и запомни: критиковать-то легко, да только этого мало. Надо и дело делать!

Маленькая яблонька

Алхас была такой маленькой, что ещё ни разу не цвела. На стройном стволе не успела загрубеть кора, а пять тонких веток беспомощно тянулись навстречу солнечным лучам. И Солнце горячо целовало Алхас. Оно помогало ей расти и крепнуть, окрашивало в яркий зелёный цвет блестящие листочки, согревало землю, в которой прятались маленькие ножки-корни.

Алхас жила на южном склоне большого холма. Каждое утро она просыпалась от весёлого щебета птиц и смотрела на серебряные изгибы реки, за которой тянулась мрачная, далёкая стена леса, на голубые поля капусты и потемневшую крышу дома.

В доме жил старый Садовник. Это он привёз Алхас и посадил в глубокую, уютную ямку, наполненную тёплым навозом и мягкой землёй.

— Расти, малютка, — сказал Садовник. — Здесь самое длинное лето, потому что солнце рано приходит сюда и поздно уходит. Но будь осторожна. Иногда поцелуи Солнца опасны…

Алхас не обратила внимания на эти слова. Она любила Солнце, ей нравились его поцелуи. Какая опасность может скрываться в том, что доставляет такую радость?

Прошло три года. Алхас исполнилось уже целых пять лет.

— Будущим летом ты зацветёшь, — сказал ей старый Садовник, — наденешь бело-розовое свадебное платье и станешь похожей на невесту.

И Алхас ждала.

«Когда же, когда придёт, наконец, будущее лето? — думала она. — Мне так хочется надеть свадебное платье…»

Приближалась осень. Солнце приходило уже не каждый день, и не такими горячими стали его поцелуи. Потом убрали капусту. Красивое голубое поле превратилось в чёрное, на него даже не хотелось смотреть. Ветер неласково трепал веточки Алхас, срывал с них пожелтевшие листья, бросался твёрдыми комочками земли и разогнал всех птиц.

— Прощай, Алхас! — щебетали они. — Прощай! Мы улетаем далеко-далеко на юг — туда, куда ушло Солнце.

— Прощайте, — ответила Алхас. — Скажите Солнцу, что я буду ждать его. Пусть приходит поскорее. Ведь я надену для него свадебное платье.

Птицы улетели. А вместо них прилетели пушистые снежинки.

— Спи, Алхас, спи! — пели они, садясь на тонкие ветки. — Мы укроем мягким одеялом всю землю, сделаем белыми некрасивые чёрные поля и тёмную крышу дома. Спи, пока не пришёл Мороз…

И Алхас заснула. Она не чувствовала, как холодеют её обнажённые ветки, не слышала, как воет ветер, не видела, как вылетают вместе с дымом горячие красные искры из трубы на доме Садовника.

Зима стояла долго. Алхас крепко спала. Ей снилось лето, песни птиц и поцелуи Солнца, снилась голубая капуста и зелёные листочки.

Однажды сквозь сон Алхас почувствовала странное тепло в кончиках своих оледеневших веток. Она приоткрыла глаза. Всё вокруг было таким же, как тогда, когда она заснула. Но Солнце! Солнце снова вернулось. Это его лучи ласково касались тонких веток…

— Здравствуй, Алхас! — нежно сказало Солнце. — Ты ждала меня? Вставай скорее, надевай свой свадебный наряд!

Старый Садовник сидел у окна.

«Ишь ты, как солнце греет, совсем по-весеннему. А ведь ещё будут морозы. Не проснулась бы Алхас», — подумал он и пошёл проведать яблоньку.

На ветках Алхас набухли толстые розоватые почки, цвет коры изменился, словно из-под него пробивался румянец. Вся она тянулась навстречу солнечным лучам, не замечая ни холодной земли под ногами, ни резкого весеннего ветра.

— Ай-ай-ай, — сказал старый Садовник, — что ты наделала, глупая!

— Солнце вернулось, — радостно ответила Алхас, — оно велело мне надеть свадебное платье.

— Я говорил тебе — будь осторожна. Солнце обманывает тебя, оно ещё не может справиться с морозами. Ай-ай-ай!

И Садовник ушёл. А через час он принёс большой чёрный опрыскиватель и стал поливать ветки Алхас каким-то противным лекарством.

— Что ты делаешь, — заплакала Алхас, — ты испортишь моё новое платье!

— Ты проснулась слишком рано, — ответил Садовник, — мороз проведёт холодными пальцами по твоим нежным цветочкам, и ты погибнешь. А это лекарство усыпит тебя. Ты будешь сладко спать, пока не придёт настоящая весна. Тогда и наденешь свой наряд.

Непонятная слабость охватила все веточки яблоньки. Они замерли, опустились, и Алхас снова погрузилась в глубокий сон.

Прошло две недели.

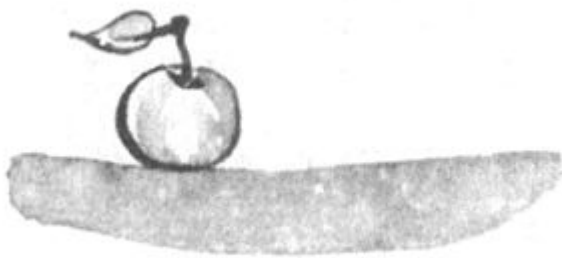
— Здравствуй, Алхас! Ты ещё спишь? А мы уже прилетели! — пели птицы.

Алхас проснулась. Было ясно и тепло, из земли выглядывали молодые травинки. Птицы хлопотали вокруг своих старых гнёзд, приводили их в порядок и весело пели за работой. Солнце с улыбкой глядело на Алхас и нежно целовало её.

— Ты опять обманешь меня? — грустно спросила Алхас.

— Нет, теперь не обману. Вставай, Алхас, весна пришла!

— Надевай свой свадебный наряд, малютка, — сказал старый Садовник, — сегодня у — тебя праздник. Да и у меня тоже. Ведь я теперь знаю, как выращивать яблони на южном склоне холма!



Гордая иголка

На туалете перед зеркалом лежала маленькая подушечка, а в ней сидела Иголка и любовалась своим отражением. В конце концов ей стало казаться, что лучше неё никого нет на свете, и так может случиться со всяким, кто слишком много смотрится в зеркало.

— Не знаю, что делали бы люди, если бы они не придумали меня! — сказала однажды Иголка. — Им пришлось бы просто-напросто ходить голыми!

— Ну да, — ответил Джемпер, который висел на спинке стула, — меня связали спицами, без всяких иголок!

— Ах ты, пёстрый дурак! — засмеялась Иголка. — Да ведь спица — такая же иголка, только подлиннее и без ушка. Мы с ней в близком родстве!

— С кем ты в родстве, мне неизвестно, — обиделся Джемпер, — а вот что ты невозможно груба, видно всякому.

— Скажите, какой обидчивый! — рассердилась Иголка. — Мне с тобой церемониться незачем! Ты сам ничего и сделать-то не можешь, наоборот — мы тебя сделали!

Джемпер был уверен, что Иголка просто зазналась оттого, что слишком часто смотрелась в зеркало, но не сумел сразу придумать хороший ответ и поэтому промолчал. А Иголка, конечно, сочла себя победительницей, потому что за ней осталось последнее слово.

— То-то! — гордо заявила она и от удовольствия даже подпрыгнула на подушечке, в которую была воткнута.

— Тише! — прошептала тёмная Штора на окне. — Сейчас над соседней крышей взойдёт Солнце! Я жду его уже целый час!

И в самом деле, из-за большой трубы прямо в окно брызнули ослепительные лучи.

— Здравствуй, Солнце! — защебетали птицы.

Штора ничего не сказала, она была очень застенчива, но зато из тёмной сразу превратилась в ярко-красную и удивительно похорошела. Это случалось с ней только от радости, и поэтому без Солнца никто не мог бы узнать, какая она красивая. А на Джемпере выступили все его горошки и клетки, он согрелся и ласково протянул навстречу золотым лучам свои рукава.

— Вот теперь-то уж я придумаю, что ответить Иголке! — решил он, но опять ничего не успел, потому что проснулся будильник и поднял крик на весь дом. Будильник поступал так каждое утро, и никто на него не сердился, Ведь это была его работа!

Скоро Джемпер наделся на Лёлю и ушёл. А Иголка уселась поудобнее и принялась любоваться на себя в зеркало. Это занятие никогда ей не надоедало, и она даже не заметила, как прошёл день.

Вечером вернулся Джемпер и опять расположился на спинке стула.

— Здравствуй, Иголочка! — нежно сказал он.

— Что это ты такой ласковый? — удивилась Иголка. — Мне кажется, мы утром поссорились?

— Я не сержусь, потому что мне тебя очень жалко, — усмехнулся Джемпер.

— Тебе — меня? Нет, ты действительно пёстрый дурак! — возмутилась Иголка. Но на этот раз Джемпер не обиделся.

— Бранись, пожалуйста, — вздохнул он, — я понимаю твоё настроение. Ведь ты скоро уйдёшь в отставку!

— Ты что, заболел?

— Нет, я просто видел новые ткани, которым иголки вовсе не нужны.

— Что же это за ткани?

— Нетканые ткани.

— Ну подумай, что ты такое говоришь? Как это ткань может быть нетканой? Если она нетканая, значит, она не ткань, а если ткань, — значит, тканая. Иначе не бывает!

— Бывает, Иголочка, бывает. Теперь ещё и не такие чудеса случаются!

— Я с тобой и разговаривать-то не стану! — крикнула Иголка

и зарылась в подушечку по самое ушко.

— Как хочешь, — засмеялся Джемпер и разложил свои рукава так, чтобы они выглядели покрасивее. Он отлично знал, что Иголке долго не вытерпеть. Действительно, скоро она опять вылезла и выжидательно поглядела на Джемпер. Но тот молчал.

— Ну хорошо, — сказала Иголка и сделала самое безразличное лицо, какое только могла, — можешь рассказывать свои сказки, если тебе так уж хочется!

— А мне вовсе не хочется, — сонно протянул Джемпер, — я собираюсь спать!

Иголка повертелась-повертелась, но делать было нечего.

— Расскажи, пожалуйста, — тихо попросила она.

— Вот это другое дело! — злорадно засмеялся Джемпер. — Так вот, теперь стали делать нетканые ткани, которые не шьют, а клеят. Я сам сегодня их видел.

— Не может быть!

— Пойди посмотри сама. Завтра Лёля опять там будет.

Всю ночь Иголка не спала. Она не могла понять, как это ткани могут быть неткаными и зачем их клеить. Разве Иголки не шили одежду уже несколько тысяч лет? Когда-то их делали из острых косточек или из твёрдого дерева, обожжённого над огнём, потом из железа, и наконец они стали такими, как сейчас, — стальными, блестящими и гладкими…

— Ну как, — спросил утром Джемпер, — пойдёшь?!

— Пойду! — решительно ответила Иголка.

— Тогда забирайся в мою манжету, она потолще.

И Джемпер протянул Иголке левый рукав. Иголка проскользнула в манжету и спрятала под пуговицей свой острый кончик, чтобы Лёля не укололась и не вытащила её из джемпера.

— Ты меня царапаешь! — капризно сказала Пуговица.

— Ах ты, бесстыдница! — возмутилась Иголка, — Да ведь я сама тебя пришивала!

— Ну, это было очень давно и, значит, всё равно что не было!

— Ладно же! Оторвёшься опять, я не стану тебя пришивать!

— И не нужно! Иголки выходят из моды, и меня просто приклеят!

«Они все сошли с ума со своим клеем!» — подумала Иголка, но в это время Лёля стала надевать Джемпер, и спорить было некогда.

— Сегодня вы познакомитесь с нашим производством! — сказал Мастер, когда Лёля, Джемпер, Пуговица и Иголка вошли в цех, где уже собралось много школьников.

— Ну что ж, показывайте! — важно ответила Иголка, но, конечно, Мастер её не услышал.

— Молчи, слушай да смотри в оба, — посоветовал Джемпер, — а главное, не вертись. Ты уже почти пролезла через манжету.

— Люди очень давно научились ткать, — начал Мастер, — ещё четыре тысячи лет тому назад они умели прясть на простеньком веретене нитки из волокна и сплетать их в ткань. Потом появились прядильные машины и автоматические ткацкие станки, но и они тоже пряли и ткали. А теперь с одного конца большой сложной машины загружают рыхлую волокнистую массу, причём совершенно всё равно-растительное волокно или искусственное, химическое, а с другой вылезает уже готовое полотно.

Все ребята удивились и стали просить Мастера поскорее показать, как это делается. Иголка тоже слушала внимательно, но ей было всё равно, как делают ткань.

— Ну и что? — засмеялась она. — Как ни делай полотно, а сшить-то его нельзя без меня. Ты всё перепутал!

— Ничего я не перепутал, — рассердился Джемпер, — ты послушай дальше!

И Мастер повёл школьников от одной машины к другой. Иголка увидела, как трепальная машина очищала волокно, чесальная расчёсывала, расправляла и укладывала в холстик, сушилка сушила, а пропиточная пропитывала холстик клеем..

— Ага! — подумала Иголка. — Вот он — клей.

— А вот это горячий каландр, — сказал Мастер, — он своими валиками прессует холстик, свёртывает в рулон, и ткань готова!

— А как её шьют? — спросила Лёля, и Иголка насторожилась: наконец-то заговорили о том, что её интересовало.

— Её вообще не шьют. Зачем делать в ткани дырки иголкой? Выкраивают, что нужно, и склеивают куски друг с другом.

— Ага! — крикнул Джемпер.

— Ах! — воскликнула Иголка.

— Ай! — взвизгнула Лёля, потому что Иголка так резко откинулась назад, что совсем пролезла через манжету и воткнулась в Лёлину руку.

— Откуда ты взялась? — удивилась Лёля. — Убирайся отсюда. Ты больше никому не нужна!

И она отбросила Иголку. Мастер покачал головой.

— Во-первых, в цехе ничего на пол не бросают. Во-вторых, ты не права. Ведь не все ткани будут нетканными. А Иголка — твой старый друг и ещё не раз тебе пригодится. Кстати, у тебя на чулке дырка.

Лёля покраснела, подняла Иголку и спрятала в кошелёк. Иголка вся дрожала от обиды. Она забилась в самый тёмный угол

кошелька, уткнулась ушком в счастливый трамвайный билет, который Лёля хранила для экзаменов, и, наверное, заплакала бы, если бы умела. Но веши не могут плакать, хотя им тоже бывает и больно и грустно, только, конечно, по-своему, по-вещевому….

«Всё кончено! — думала Иголка. — Вся моя жизнь разбита, и прежнее никогда не вернётся! Лучше бы мне сломаться!»

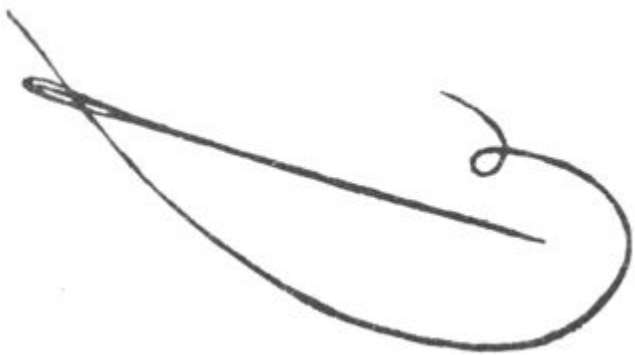
Вечером Лёля открыла кошелёк, вытащила Иголку и воткнула её в старую знакомую подушечку перед зеркалом.

— Извини, пожалуйста, — сказала она, — я была не права. Давай-ка заштопаем чулок!

— А я только хотел доказать тебе, что ты не такая уж важная и не должна обижать других! — добавил Джемпер.

— Я поняла, — тихо ответила Иголка, — и постараюсь вести себя умнее, — и она подставила ушко длинной коричневой нитке, которую держала Лёля.

— Мы должны быть скромными, — вздохнула застенчивая Штора, — ведь всегда найдётся кто-нибудь лучше нас…



Три волшебника

Люся сидела у папиного стола и перебирала карандаши. Солнышко ярко светило, но гулять Люсю не пускали, потому что у неё болело горло.

Кошка Муська вспрыгнула на подоконник, встала на задние лапы и потянулась к форточке.

— Подожди, пока придёт мама, — сказала Люся, — мне нельзя открывать форточку.

— Мя-яу! — недовольно ответила Муська и сердито махнула рыжим пушистым хвостом. Ей, наверное, было некогда.

— Не кричи! — рассердилась Люся. — Я же терплю, потерпи и ты.

Терпеть Муська не хотела. Она закричала ещё громче и принялась царапать стекло, а рыжий хвост так и заметался из стороны в сторону.

Но тут в передней звонко щёлкнул замок — и вошла мама. От неё так вкусно пахло весенним воздухом, что Люся тоже не смогла больше терпеть и заплакала.

— Ну вот, — удивилась мама, — обе ревут! Кто же виноват, что тебе приходится сидеть дома?

— Мороженое, — сквозь слёзы ответила Люся.

— Нет, не мороженое, — засмеялась мама, — а тот, кто его слишком быстро съел. Ведь Муське ты тоже дала попробовать, но она ела тихонько, не торопясь, и не заболела. Зато ей можно гулять!

Мама открыла форточку и выпустила Муську, а Люся заплакала ещё громче.

— Не плачь, — сказала мама, — вот тебе весна прислала подарки!

И она вынула из сумки букетик ландышей.

Три дня Люся радовалась чудесным цветам. Она отрезала ножницами пожелтевшие веточки, меняла в вазе воду и даже подсыпала немножко сахару, чтобы вода была вкуснее.

Но на четвёртый день ландыши всё-таки завяли, и Люся опять заплакала.

— Срезанные цветы не могут стоять долго, — вздохнула мама. — В саду у бабушки цветы растут на клумбах и не вянут так быстро.

Через неделю Люся с мамой и Муськой поехали в деревню. Бабушка оказалась просто маминой мамой и обращалась с мамой совсем так, как мама обращалась с Люсей. Это было очень интересно. Но ещё интереснее был сад.

Длинные усатые плети огурцов сползали со своей грядки навстречу соседям, кудрявые помидоры казались игрушечными деревьями, а редиска уже расталкивала землю своими розовыми плечиками, чтобы поскорее попасть на стол, прямо к завтраку. Муська совсем сошла с ума от радости, — она ведь тоже никогда раньше не бывала в деревне.

Она прыгала по грядкам, карабкалась по деревьям, каталась по траве и гонялась за птицами.

Но её рыжий хвост был виден так далеко, что все птицы замечали его и улетали раньше, чем Муська могла к ним подобраться.

— Откуда вы знаете, что я здесь? — спросила она у Скворца, которого не могла достать, потому что под его домиком была построена деревянная площадка.

— А мы видим сверху твой хвост и передаём друг другу, что ты идёшь. Пойди на берег озера и вызови рака. Он отрежет тебе хвост клешнями.

— Вот ещё выдумал! — рассердилась Муська. — На кого же я буду похожа без хвоста?

— На бесхвостую кошку! — засмеялся Скворец и захлопнул дверь своего домика.

Муська вздохнула и пошла к Люсе, которая рассматривала клумбы в цветнике.

— А Цветов-то совсем мало! — говорила Люся бабушке.

— Они ещё не цветут, ответила бабушка, — и вообще им надо помочь.

— Кто же им поможет?

— Есть такие добрые волшебники, — засмеялась бабушка, — они живут в чулане. Завтра я тебе их покажу.

На следующее утро бабушка открыла чулан, и Люся с Муськой побежали смотреть волшебников. Но в чулане оказались только лопаты, грабли да какие-то мешки.

— Где же волшебники? — разочарованно протянула Люся.

Бабушка открыла один мешок и взяла из него немножко белого блестящего порошка.

А Муська сейчас же вскочила на мешок, чтобы понюхать волшебника и узнать, не поможет ли он ей ловить птиц. Но из мешка ничем не пахло.

— Вот волшебница номер первый, — сказала бабушка, — её зовут Селитра. Она помогает цветам расти. Ведь прежде всего надо вырасти, а потом уж можно цвести!

Бабушка бросила волшебницу в ведро с водой и стала быстробыстро болтать в воде палкой, чтобы волшебница размешалась и сделала воду волшебной. Потом велела Люсе взять лейку, и они пошли в сад.

Люся поливала цветы из лейки, а бабушка выливала на мокрую землю волшебную воду — по целой кружке каждому цветку.

— Когда же они вырастут? — спросила Люся.

— Теперь скоро, — ответила бабушка и ушла по своим делам. А Муська погналась за большим толстым воробьём, но воробей даже близко её не подпустил и улетел, да ещё прочирикал что-то обидное.

«Схожу-ка я всё-таки к раку», — подумала Муська и пошла на берег озера.

Рак сидел под корягой и, увидев Муську, на всякий случай спрятался.

— Поди сюда, — сказала Муська, — я раков не ем.

— А ты одна? — спросил рак.

— Одна. Я к тебе по делу. Отрежь мне, пожалуйста, хвост.

— Ты сошла с ума! — удивился рак. — Зачем тебе это нужно?

— Чтобы птицы меня не замечали.

— Ну, дело твоё.

И рак схватил клешнями Муськин хвост.

— Мя-я-у! — закричала Муська и вырвала из клешней хвост.

Рак передёрнул клешнями и задним ходом ушёл обратно под корягу, а Муська со всех ног помчалась домой — зализывать хвост. Хвост болел так сильно, что Муська целую неделю не обращала на птиц никакого внимания и сидела на террасе. Она жаловалась Люсе, но Люсе было некогда: ей надо было бегать смотреть, растут ли цветы. К концу недели цветы действительно

стали быстро расти.

Душистый горошек весело перебирал усиками по натянутым верёвкам и взбирался всё выше и выше.

У лилий из пучка листьев выглянули толстые стрелки с бутоном на макушке, а флоксы так торопились, что скоро почти перегнали ростом Люсю.

— Теперь позовём волшебника номер второй, — сказала бабушка и насыпала в ведро другого порошка, не такого белого, но зато побольше.

— А этого как зовут? — спросила Люся.

— У него трудное имя, — засмеялась бабушка, — его зовут Суперфосфат. Видишь, цветы вытянулись кверху, но у них тонкие ноги. А Суперфосфат поможет им окрепнуть. Это цветочный рыбий жир.

— Фу! — поморщилась Люся, потому что она терпеть не могла рыбьего жира, и совсем неохотно взяла лейку.

Прошло ещё две недели.

Стебли растений потемнели, стали толстыми, на них выросло много-много боковых веток, усыпанных бутонами, и бабушка в третий раз открыла чулан.

— Теперь какой волшебник будет? — заинтересовалась Люся.

— Волшебника номер три зовут Калий. Он сделает цветы крупными и дркими, заставит каждый бутончик хорошо распуститься и подольше цвести. Бери-ка лейку!

Наверное, и вправду в мешках сидели волшебники, потому что скоро весь сад стал волшебным. Лёгкие, разноцветные, похожие на бабочек лепестки колыхались на тонких веточках душистого горошка. Флоксы хвалились друг перед другом розовыми, лиловыми, сиреневыми зонтиками, а на лилиях один за другим раскрывались тяжёлые белые и красные колокольчики.

И все цветы были такими большими и яркими, каких Люся никогда раньше не видела.

А над клумбами громко жужжали пчёлы. Им тоже нравился бабушкин сад. Муська пробовала ловить и пчёл, но сразу бросила это дело, потому что пришлось ещё неделю сидеть на террасе, теперь уже с распухшим носом. Зато она стала очень умной и опытной, хорошо научилась понимать, как надо вести себя в деревне, и собиралась об этом рассказать всем своим знакомым кошкам, когда вернётся в город.

А лето действительно подходило к концу.

— Я хочу учиться волшебству, — сказала перед отъездом Люся и понюхала лилию.

— Тебя научат в школе, — ответила бабушка, — а пока вытри нос. Он совсем жёлтый.

— Разве в школе учат волшебству? — недоверчиво спросила Люся, размазывая по лицу жёлтую пыльцу лилий.

— Конечно. Только оно иначе называется.

— А как?

— Волшебство называется химией, — засмеялась бабушка и стала срезать большими ножницами самые красивые цветы, чтобы сделать для Люси букет на дорогу.

— Мне очень нравятся эти волшебники, — задумчиво сказала Люся.

— Мр-р… — неопределённо ответила Муська. У неё на этот счёт было своё, особое, мнение. Ведь волшебники не помогли ей поймать хотя бы одного воробья…

Эта книга…

В густом, тёмном уральском лесу росла высокая, красивая Ель. На её пышных ветвях сидели рыжие белки и сушили на сучках шапочки грибов для зимних запасов. А дятлы сделали ямку в старом Пне, который стоял рядом с Елью, и ставили в эту ямку шишки, чтобы их было удобнее есть.

— Тук-тук-тук! — говорил каждое утро Дятел. — Готов ли завтрак?

— Входи, пожалуйста, всё готово! — отвечала Ель и приветливо покачивала верхушкой.

— Ты мог бы есть и на земле, — проворчал однажды Пень, — чешуйки от шишек сыплются мне прямо на голову!

— Не сердись, — сказала Ель и протянула ветки навстречу утреннему солнцу, — посмотри, как хорошо вокруг!

— Хорошо, пока до тебя не добрался топор, — усмехнулся Пень, — и я был когда-то таким, как ты!

— Беда! Беда! — закричали вдруг белки и стали поспешно снимать с сучков ещё не высохшие грибы.

— Что случилось? — испугалась Ель.

— Сюда идут дровосеки! Они валят деревья, обрубают им ветки!! Беда! Беда!

— Прощай, Пень! — вздохнула Ель и в последний раз встряхнула ветвями. Топор врезался в её тело, она дрогнула и наклонилась.

— Осторожно! Падает! — закричали люди, и Ель с тяжёлым стоном упала на землю. Крупные смолистые слёзы покатились из свежей раны, полетели во все стороны шишки, с обрубленных веток посыпалась хвоя, и трактор потащил к берегу красавицы Камы голое бревно, на котором не осталось ничего, кроме сучков.

На берегу было шумно. Сплавщики вязали из брёвен большие плоты, прикрепляли их друг к другу и сталкивали в реку. А река подхватывала плоты и уносила куда-то далеко, в неизвестные края, прочь от родного леса.

— Прощай! Прощай! — кричали белки и прыгали с ветки на ветку, чтобы проводить Ель как можно дальше. А дятел летел над рекой долго-долго и всё время покачивал крыльями в знак прощанья, потому что он видел, как это делают самолёты.

Ель плыла долго. Река становилась всё шире, заворачивала то вправо, то влево, мимо проносились посёлки и города. Через несколько дней Ель увидела на берегу высокие каменные здания, над которыми поднимался густой пар.

— Приехали! — сказали сплавщики. Громадные краны подхватили брёвна и уложили их в большие, аккуратные штабеля, по сто метров в каждом. Штабелей было так много, что они тянулись по всему берегу.

«Здесь, должно быть, весь наш лес», — с грустью подумала Ель.

— Добро пожаловать на лесную биржу! — закричали брёвна из соседнего штабеля.

— Здравствуйте! — сказала Ель. — Куда это мы попали?

— На бумажную фабрику, — ответили брёвна.

— А что с нами будет?

— Говорят, что нас отдадут Дефибрёру, главному повару могущественного волшебника Каландра. Но оттуда ещё никто не возвращался, поэтому точно мы ничего не знаем. Надо ждать…

И Ель стала ждать. Недели шли за неделями, на берегу вырастали всё новые и новые штабеля, а старые куда-то исчезали. Потом пришёл день, когда Ель подхватили и бросили в длинный, узкий канал.

— Вот так, так! — сказала она. — Вода-то горячая! Таких рек я ещё не видала!

— Я не река, — ответил канал, — я искусственный! Мойся как следует, сейчас тебя переоденут!

И он понёс Ель прямо в подготовительный цех фабрики.

— Сними с неё эту старую, грязную кору! — приказал Рабочий машине.

— Ж-ж-ж! — зашумела машина, и Ель стала беленькой и чистой.

— А теперь ложись вот сюда! — показал Рабочий.

Другая машина выставила острые зубы, схватила Ель и распилила её на аккуратные поленья, ровно в метр длиной, не больше и не меньше, потому что так приказал главный повар Дефибрёр. К нему на кухню поленья и отправились.

— Сейчас я приготовлю из вас прекрасную древесную кашу, — сказал Дефибрёр, — ведь Каландр ничего твёрдого не ест. Хотя у него целых шестнадцать челюстей, но вместо зубов-то валики…

И главный повар принялся за стряпню. Он перетирал поленья на громадных, тяжёлых камнях, разводил водой, клал разные приправы, процеживал и подсушивал. А когда каша была готова и оказалось, что это уже почти что бумага, её подхватили Папмашины, которые работали у Дефибрёра поварятами. Папмашины отжали все остатки воды и положили большие мягкие листы на блюда, чтобы подать их на обед Каландру.

— Скорее! Скорее! — подгоняли они друг друга, потому что Каландр терпеть не мог опозданий. Он не был злым, но требовал аккуратности.

— Не задерживайте меня! — закричал он и стал глотать листы один за другим, да так быстро, что за нНм не угнался бы и курьерский поезд.

— Ш-ш-ш… — только и успели сказать листы, как уже промчались через все шестнадцать валиков, которые заменяли Каландру зубы.

Теперь это была настоящая бумага, гладкая и немножко глянцевитая. Её закрутили в большой, толстый рулон, запаковали, отправили в типографию и напечатали на ней много всяких интересных вещей: журналы и газеты, календари и учебники, школьные дневники и театральные программы.

А кроме того, напечатали ещё и эту книжку…

* * *

32 коп